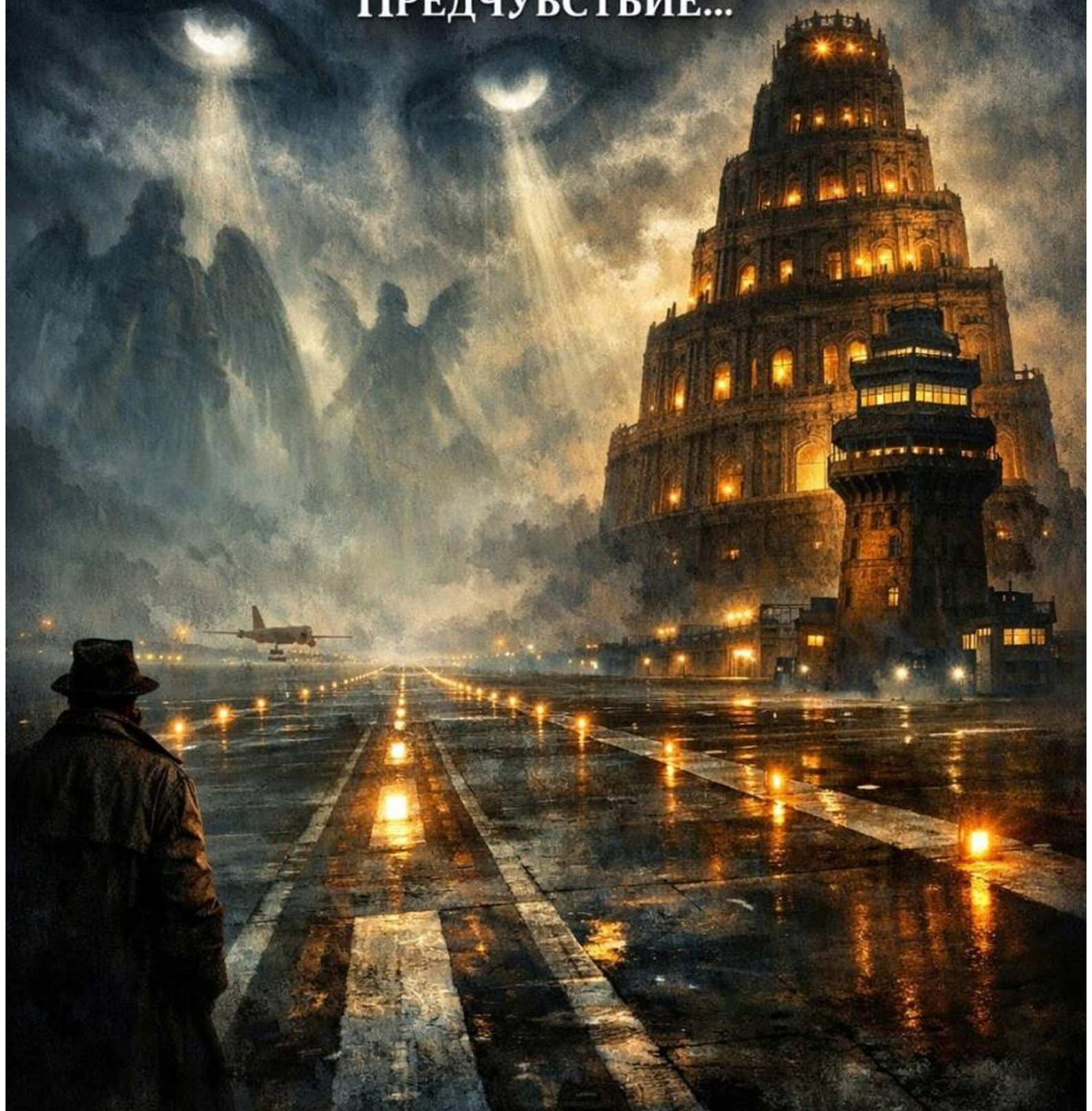

АНТОН ТАМОНОВ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
БАВИЛОН

ПРЕДЧУВСТВИЕ...

АНТОН ТАМОНОВ

Цивилизация Вавилон.
Предчувствие

«Автор»

2025

Тамонов А.

Цивилизация Вавилон. Предчувствие / А. Тамонов — «Автор»,
2025

Ленинград, осень 1989 года. Город, в преддверии очередной годовщины революции и тени надвигающейся зимы, становится последним убежищем для двух случайных союзников — Василия, молодого студента-дипломника юрфака ЛГУ, втянутого в смертельно опасную игру за древние тайны, и Маши, бывшей учительницы, чьи знания теперь могут стоить ей жизни. Их судьбы сплелись вокруг загадочных артефактов, связывающих современность с забытыми технологиями древней цивилизации. Главный герой — Василий — обычный человек, попавший в необычные обстоятельства. Его находка в тайге два года назад превратилась в поиск ключа к разгадке систематического уничтожения артефактов и знаний на протяжении всей человеческой истории. Теперь он вынужден принимать решения, от которых зависит не только его жизнь, но и, возможно, будущее всего человечества. Вопрос, смогут ли они разобраться в этом хаосе, остаётся открытым на протяжении всей книги. Обложка создана с помощью приложения ArtOfMagic AI

© Тамонов А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог. 1987 год. Красноярский край.	6
Глава первая. Два с половиной года спустя.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Антон Тамонов

Цивилизация Вавилон. Предчувствие

Все изложенные в произведении события и выводы являются плодом воображения автора. Любое их совпадение с реальными местами, людьми, организациями – абсолютно случайно. Всё написанное является художественным произведением в жанре мистический детектив, то есть не содержит призывов, лозунгов и политических программ, имеющих какое-либо отношение к современной действительности. Описание исторических событий, происходивших в прошлом, творчески переосмыслены автором и не могут претендовать на документальную историчность. Ссылки на реально существующие публикации конкретных авторов, а также некоторые цитаты, приводятся по ходу повествования.

Пролог. 1987 год. Красноярский край.

Василий Савельев вытер пот, забрался в кабину бульдозера и сел за рычаги. Работа не сложная, начальство не злое, служить оставалось чуть меньше, чем полгода... главное – успеть закончить эту чёртову взлётку в этой глухой тайге...

Бульдозер взревел и тронулся вперёд. Лопата погрузилась в глину, поднимая комья земли и оставшиеся корни деревьев. Солдат привычным движением рычага срезал породу, углубляя траншею. Работа была медленной, монотонной – вперёд-назад, вперёд-назад. Густой запах горячего металла и выхлопных газов наполнял кабину, смешиваясь с терпким ароматом хвои, который ветер приносил с окружающих холмов. Чуть вдалеке стучал экскаватор, а со стороны реки доносились прерывистые гудки барж, доставлявших гравий.

Василий выжал рычаг сильнее, чувствуя вибрацию через весь корпус бульдозера. Его ладони в брезентовых рукавицах, скользили по стальным рукояткам, покрытым слоем масла и земли. Взгляд автоматически скользил по стенке траншеи: – слой почвы, – пёстрая глина, затем серый суглинок. Три с лишним метра глубины. Глубоко, но что поделаешь, грунт слабый, нужно выбирать. Ещё чуть-чуть осталось... Всё шло, как обычно, когда вдруг лопата с глухим, металлическим скрежетом, от которого Василий инстинктивно вжался в сиденье, наткнулась на что-то неожиданно твёрдое. Не на скрытый корень, который бы подался, не на валун, который хоть с хрустом, но раскололся бы или вышел из земли под напором стали. Это было что-то «другое». Словно бульдозер упёрся в монолит, о котором никто не знал.

«Эх, нашла коса на камень», – буркнул Василий, чувствуя кислый привкус раздражения у себя во рту. Он заглушил ревущую машину, и внезапная тишина оглушила, тут же заполнившись гудящей пустотой в ушах и стуком экскаватора где-то в стороне. Вылезая из кабины, он почувствовал, как нагретый металл обжигал руку через рукав куртки. Спрыгнул на землю с широкой гусеницы вниз, к месту удара лопаты о непонятный предмет. Пыль, поднятая машиной, ещё висела в воздухе, мельчайшими частицами, оседая на его потной шее. Он подошёл и пнул сапогом то место, где глиняное дно траншеи было процарапано сталью лопаты его бульдозера. Под тонкой коркой осыпавшейся породы обнажилась не серая скала и не жёлтый песчаник, а что-то тёмно-серое, почти чёрное, гладкое... и неестественно правильное. Ровный край.

– Эй, чего встал? – гулкий окрик сверху заставил Василия вздрогнуть. Он поднял голову. На краю траншеи, залитый солнцем, стоял капитан Тарасов, командир отряда и начальник участка, рукавицей вытирая со лба пот. Его лицо было красным от напряжения и злости. Капитан Тарасов был вечно злой за то, что задержался в капитанах, да ещё за то, что его «сослали» в эту дыру, где хватило бы и лейтенанта...

– Давай, нам ещё почти полметра копать до проектной отметки! График не выдерживаем, Савельев! Ты чего там копаешься? Призраков ищешь в этой дыре? – Его голос, резкий и металлический, отражался от стен глубокой траншеи. – Хватит глазеть! Дай ход своей железке! Если камень – обходи, кроши лопатой, но работай!

Василий молча кивнул, ощущая знакомый комок непонятного страха и раздражения в горле.

– Так точно, товарищ капитан! – крикнул он вверх, чувствуя, что его голос звучал неискренне. Он повернулся к странной находке. Под тонким слоем глины и осыпавшейся земли виднелся неестественно правильный край чего-то тёмного и гладкого. Его сердце бешено колотилось.

«Призраков... призраков...» – эхом отозвались в его голове слова капитана. Эта чертовщина под ногами выглядела куда реальнее и тревожнее любого призрака. Он снова поднял руку в рукавице, на этот раз старательно протёр участок вокруг угла находки. Грязь легко осыпалась, обнажая не просто плиту. Это была явно обработанная поверхность с абсолютно пря-

мыми углами и идеально гладкой, словно отполированной, но не блестящей текстурой. Она была прохладной на ощупь, даже сквозь рукавицу, и совершенно непохожей на любой природный камень или минерал, который можно было ожидать найти в глухой таёжной земле.

– Та... варишь капитан... – прошептал он, невольно глядя на свою запачканную рукавицу, – здесь такое... Его голос был тихим, почти шёпотом, заглушённым высотой стен траншеи. Что это? Старый бетонный бункер? Но бетон обычно шершавый... Или, может, плита от какого-то древнего сооружения? Но глубина... три с лишним метра... почти четыре, а вокруг лес, возрастом двести лет! Кто и когда мог зарыть что-то такое здесь, в этой дикой тайге?

Сверху послышалось недовольное фырканье и шорох земли под сапогами. Василий взглянул вверх. Капитан Тарасов, вместо того чтобы уходить, неожиданно спустил ноги через край траншеи и присел, свесив их вниз. Его лицо, красное от злости секунду назад, теперь было напряжённым и сосредоточенным. Тень от козырька фуражки скрывала глаза, но Василий чувствовал его пристальный взгляд на странной находке.

– Завтра начальство с комиссией приезжает на проверку, Савельев, – сказал капитан уже не крича, а как-то буднично и тяжело, – они ждут, что мы уже гравий сыпать начнём. А ты тут... что там у тебя? – Он спрыгнул вниз, неловко приземлившись на подошву сапога в мягкую глину рядом с Василием. Запах его пота, смешанный с дешёвым одеколоном, перебил пыль и запах машины.

Капитан молча подошёл к находке на дне траншеи. Его перстень с крупным красным камнем, «партийным перстнем», как прозвали его солдаты, скребнул по гладкой тёмной поверхности. Металлический скрежет был резким и неприятным, как нож по стеклу. Василий видел, как капитан нахмурился, почувствовав ту же ледяную твёрдость, как и чувствовал это и Василий сквозь перчатку. Тарасов вытер пальцы о куртку и вдруг резко пнул плиту носком сапога с металлической накладкой. Глухой, неестественный звук – не звон металла и не глухой удар по камню, а какой-то приглушённый, немного гулкий, как показалось Василию, но при этом монолитный. «Чтоб тебя...» – пробормотал он.

– Гибадуллин! – его крик, как удар хлыста, разорвал воздух, эхом отражаясь от стенок траншеи и заглушая стук экскаватора вдалеке. Василий вздрогнул от неожиданности. Капитан, не отрываясь, смотрел на плиту, его лицо было напряжённым и бледным под каплями пота. – Сюда! – Тарасов повернулся, его голос потерял привычную начальственную резкость, стал каким-то... сдавленным, – бегом! С ломом! И кувалдой! Быстро! – Команды сыпались одна за другой, торопливо и нервно. В его глазах мелькнуло нечто, чего Василий никогда не видел – не злость, а что-то вроде растерянной тревоги.

Солдат Гибадуллин, молодой парень из Казани, спустился в траншею, тяжело дыша от бега, волоча за собой огромную кувалду и остроконечный лом. Его узкое лицо было испуганным.

– Товарищ капитан, что случилось? Камень? – Он неуклюже положил инструменты рядом. Тарасов не ответил, схватил лом и со злым рычанием вогнал его остриём в щель между плитой и нетронутой глиной.

– Вася, давай кувалду! Бей! – приказал он Василию. Василий машинально взял тяжёлую рукоять кувалды, ощутив холод металла и вес, тянущий руки вниз. Первый удар – глухой, погашенный звон, от которого заныли кости в ладонях и зубы. Ни шербинок на поверхности плиты. Капитан переставил лом.

– Сильнее! Со всей дури!

Василий замахнулся снова, напрягая спину и плечи, и ударил изо всех сил. Кувалда рванула руки назад нутряной отдачей. Раздался резкий, короткий *КЛЯНК! * – не металла, не камня... скорее, звук огромного колокола, сделанного непонятно из чего и замурованного в землю. Гибадуллин отшатнулся, зажав уши ладонями. Звук быстро затих. Василий опустил кувалду на глину, трясясь всем телом от удара, и смотрел на место удара. На идеально гладкой,

тёмно-серой поверхности плиты, там, где остриё лома передало силу кувалды, осталась лишь тонкая, почти незаметная продольная царапина. Белёная полоска, неглубокая не более миллиметра. И всё. Ни скалывания, ни трещины.

Капитан Тарасов выхватил лом из щели и сам, с проклятием «Твою мать!», яростно ударил острым концом прямо в центр плиты. Звук удара был глухим, погашенным, словно льдина упала на плотный снег. На поверхности, как и от первого удара, не осталось заметного следа. Офицер стоял, тяжело дыша, его лицо под козырьком фуражки было пепельно-серым. По его щеке стекала капля пота, оставляя чистую бороздку в слое пыли. Его глаза, остекленевшие от ярости и внезапно пробудившегося страха, были неподвижно устремлены на неподатливую черноту под ногами. Он осторожно коснулся плиты пальцем, словно проверяя реальность кошмара, и быстро отдернул руку, будто боялся обжечься от прикосновения.

Сверху послышались голоса и шаги. Солдаты из отряда Тарасова, работавшие на участке засыпки гравия поблизости, услышав странные звуки и крики офицера, подошли к краю траншеи и замерли в изумлении. Тени их фигур упали на дно ямы. Они молча смотрели вниз, на капитана, Василия и Гибадуллина, столпившихся у странной тёмной плоскости на дне глиняной траншеи. Их лица отражали любопытство и смутную тревогу.

– Товарищ капитан, что случилось? – крикнул один из них, сержант Петров, сдвигая пилотку на затылок. Его голос звучал неуверенно в непривычной тишине – экскаватор вдалеке замолчал. Другие солдаты перешёптывались, пытаясь понять, на что они смотрят: – Камень? «Находка какая?» – спросил кто-то ещё. Их недоумение висело в воздухе, смешиваясь с пылью и тягостной неподвижностью происходящего.

Тарасов медленно поднял голову. Его лицо, всё ещё пепельно-серое, было похоже на маску. Он сделал глубокий вдох, будто собирая силы, и выкрикнул команду, которая прозвучала неестественно чётко и гулко в глубоком ущелье траншеи:

– Всем – на своих местах! Сержант Петров, обеспечить порядок! Никого не подпускать к этому месту! – Солдаты наверху засуетились, нерешительно отступая от края. Капитан повернулся к Савельеву. Его глаза были запавшими, но в них горел странный огонёк – смесь ярости и подавленной паники.

– Савельев, – его голос был низким, хриловатым, словно он простудился за эти минуты, – давай в кабину... Осторожно, – он показал кивком на бульдозер, стоявший рядом, – лопатой бульдозера... сними лишнюю глину сверху... Плавно. Посмотрим, что за хрень такая упёрлась нам поперёк графика. Пройди немного слева направо... Понял? – В его словах сквозило напряжение стальной пружины.

Василий молча кивнул, ощущая, как его сердце колотилось где-то в горле. Он взгромоздился в кабину, чувствуя, руки всё ещё дрожат от ударов кувалдой. Металл сиденья был горячим под его телом. Он запустил двигатель. Рёв мотора заполнил траншею, заглушая шёпот сверху, заставив Гибадуллина вжаться в стенку. Ладони Василия прилипли к рычагам управления отпотевшими рукавицами. Он медленно опустил огромную лопату бульдозера на уровень камня и осторожно двинул машину вперёд. Сталь скользнула поверх тёмной плиты, открывая странную находку. Земля, мелкие камни и корни начали осыпаться вниз, как чёрный снегопад. Глухой стук комьев о плиту смешивался с рёвом двигателя. Василий чувствовал сопротивление земли, но лопата шла плавно, прочерчивая ровную линию сноса над загадочной поверхностью.

С каждым сантиметром движения открывалось больше плиты. Вместо ожидаемого небольшого бетонного фрагмента оказался правильный прямоугольный угол, затем – плоскость. Земля сползала широкими пластами, обнажая не просто плиту, а часть чего-то гораздо большего – стены или крыши, уходящей вглубь траншеи и в стороны, налево и направо. Материал был всё тем же: неестественно гладкий, тёмно-серый, холодно мерцающий под слоем пыли даже под ярким солнцем. Гусеница бульдозера скребанула по её поверхности, издав тот

же противный, скрежещущий звук, словно сталь по стеклу, но, оставив лишь небольшие царапины. Тяжёлая машина двинулась вперёд по уже очищенной плоскости.

Капитан Тарасов стоял неподвижно, следя за каждым движением лопаты. Его лицо было словно каменным, но пальцы нервно перебирали край куртки. Гибадуллин прислонился к стене траншеи, широко раскрыв глаза. Когда лопата прошла метров шесть вперёд от первоначальной точки удара, скребя по верхней кромке находки, открылся второй край плиты – такой же резкий, неестественно прямой и гладкий, как первый. Между двумя углами, словно нарисованная циркулем, тянулась абсолютно ровная поверхность верха плиты. Она была абсолютно горизонтальной и уходила куда-то вглубь и в стенки свежевырытой траншеи. Солдаты наверху замерли, толкаясь локтями, пытаясь разглядеть сквозь пыль то, что оказалось под их ногами. Шёпот нарастал волной недоумения и страха: «Что это?», «Бункер?», «Какой-то саркофаг?».

Немного не доходя до края траншеи, там, где глина сдалась и осыпалась крупными кусками, показался не грубый скол или шершавая фактура бетона, а... идеально ровный стык. Тонкая, как лезвие бритвы, линия разделяла две плиты, уходя вглубь стены траншеи под прямым углом. Гибадуллин тихо ахнул, указав пальцем. Это был не монолит. Это были *две* гигантские плиты, плотно пригнанные друг к другу с точностью станка. Линия стыка была такой ровной, что казалось невозможным вбить туда даже лезвие ножа. Она исчезала в глине, намекая на продолжение конструкции вглубь нетронутого грунта. Воздух в траншее стал тяжёлым, липким от пыли и внезапного понимания масштаба этой аномалии. Солдаты наверху перестали шептаться; наступила мёртвая тишина, нарушаемая только гулким дыханием Гибадуллина и далёким криком чайки над рекой.

Тарасов сделал шаг вперёд, словно парализованный увиденным. Его лицо под слоем пыли было пепельным, без кровинки. Вместо привычной ярости в глазах застыло холодное недоумение, смешанное со страхом. Он вновь медленно снял перчатку и прижал ладонь к месту стыка плит, проведя кончиками пальцев по прохладной поверхности. Он быстро отдернул руку, словно обжёгся, и поднялся, соображая, что ещё предпринять.

– Савельев... – его голос сорвался, превратившись в хриплый шёпот. Он посмотрел на Василия, сидевшего в кабине бульдозера, – дай назад... пройди лопатой... к другой стенке траншеи... – он показал рукой в противоположный конец участка, где лопата ещё не работала, – посмотрим... если там... тот же стык... – Он недоговорил, но смысл висел в воздухе, тяжелее бетонной плиты: «Если там, тоже есть стык, значит, это не плита. Это стена. Стена чего-то огромного».

Василий кивнул, глотая комок сухости в горле. Рычаги двигателя дрожали под его ладонями. Он осторожно перевёл бульдозер в нейтраль и медленно повёл лопату вдоль открывшейся плоскости, очищая её полностью. Серый материал был безупречно гладким под слоем осыпавшейся глины и корней. Холодный металлический скрежет гусеницы и лопаты по поверхности плиты снова пронзил воздух, заставляя Гибадуллина морщиться и зажимать уши. Капитан шёл рядом с движущейся машиной, не сводя глаз с открывающейся структуры, его тень неуклюже прыгала по гладкой тёмной поверхности.

Добравшись до противоположной стороны участка траншеи, Василий на секунду остановил машину и, затем, снова двинул вперёд. Земля послушно осыпалась широкими пластами, обнажая сначала серый суглинок, затем – тот же неестественно гладкий тёмный материал. Бульдозер прошёл ещё метр, пока лопата не упёрлась в стенку траншеи. Василий замер. Сквозь слой осыпавшейся земли, как сквозь грязное стекло, проступил второй вертикальный край. Тончайшая, как волос, идеально прямая линия стыка, абсолютно идентичная первой, примыкала к следующей плите, которая уходила вглубь земли под прямым углом в противоположную стенку траншеи.

Цепочка плит, с идеально пригнанными стыками, лежала перпендикулярно свежевырытой траншее, неизвестно насколько простираясь влево и вправо под нетронутым лесом и грун-

том. Между двумя открытыми стыками чётко читался прямоугольник стены шириной около шести метров – гигантская тёмная поверхность, вмурованная в древнюю глину. Солнечный свет, падающий сверху косым лучом, отражался в нём призрачными бликами, подчёркивая безупречную плоскость. Воздух над плитой дрожал от прохлады, исходящей от поверхности.

– Товарищ капитан, – голос рядового Макарова прозвучал сверху, гулко отдаваясь в глухой тишине. Солдат стоял на самом краю траншеи, его пилотка сдвинута набок, лицо напряжено от непонимания и любопытства, – давайте я подгоню экскаватор? Час займёт, не больше... Ковшом чуть подкопаем стенку траншеи повыше этих плит. Посмотрим, куда они уходят? Внутрь? Может, это просто фундамент старый? – Он замолчал, ожидая команды, пальцы нервно барабанили по стальному тросу ковша того самого экскаватора, что теперь стоял безмолвно метрах в пятидесяти.

Тарасов не отрывал взгляда от двух лезвийно-тонких стыков, очерчивающих гигантское тёмное прямоугольное поле в земле. Его нижняя губа чуть дрожала.

– Фундамент? – он сказал это с удивлением и злостью, словно само слово было абсурдным оскорблением, – сверху лес двухсотлетний, а под ним фундамент? На глубине четыре метра? – Голос офицера сорвался на хрип. Он круто повернулся к Василию, сидевшему в кабине бульдозера. Его глаза метались.

– Гибадуллин! Дай мне лом! Тот самый! И кувалду! – Он выхватил инструменты из оцепеневших рук Гибадуллина почти силой. Его движения были резкими, лихорадочными. Он подбежал к месту второго вертикального стыка плит и с исступлённой яростью, старательно целясь, ударил острым концом лома прямо вдоль тончайшей линии соединения. Металл скользнул по поверхности с пронзительным визгом, словно по льду, не оставив даже микроскопической царапины. Тарасов зарычал, вновь поднял лом и опустил его всем весом на тот же стык. *КЛЯНК! * Звук был коротким, глухим, как удар в пустоту, но абсолютно погашенным материей плиты. Кусочек странного материала размером с ноготь большого пальца откололся и упал к его ногам. Офицер наклонился, схватил его в руку, скинув рукавицу.

На краю скола фактура материала была слегка пористая, как у современного бетона, но невероятно плотная – мельчайшие ячейки казались запечатанными глазурью и были покрыты тончайшим слоем, похожим на застывшую смолу чернильного оттенка. Он провёл пальцем по сколу: с одной стороны поверхность была ровной и правильной, а обнаруженная пористость с другой – лишь подчёркивала искусственное происхождение. Ни природный камень, ни сталь, ни бетон не обладали такой структурой. Он сжал осколок в кулаке до хруста в костяшках. Этот хрупкий кусочек, казалось, был неимоверно странным и пугающим.

«Чертовщина...» – прошипел Тарасов, его дыхание стало частым, поверхностным. Он бросил осколок на гладкую плоскость плиты. Тот подпрыгнул с неожиданной упругостью и замер, отражая луч солнца странным, глухим сиянием.

Василий наблюдал за этой пляской осколка из кабины бульдозера, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику. Армейский бетон трескался кусками, как сухарь. Этот – лишь откололся крошечным фрагментом под ударами лома и кувалды и вёл себя как... пластик? Или что-то совершенно иное? Гибадуллин медленно поднялся с колен после того, как подобрал отскочивший кусочек. Он зажал его в ладони, переворачивал, разглядывая прищуренными глазами на фоне тёмной плиты. Его узкое лицо помрачнело от смутного понимания.

– Товарищ капитан... – его голос звучал неуверенно, но в нём пробивалась догадка, родившаяся из сельской смекалки и школьных уроков истории, – похоже, что тут до нас тоже кто-то взлётку строил... только очень давно... – Он почти задохнулся, пытаясь выдохнуть это предположение, словно оно было слишком тяжёлым для мыслей солдата. Его палец ткнул в плиту под ногами, – смотрите... прямо как наши плиты аэродромные... только вот... гладкие, – он умолк, поняв абсурдность сравнения. Какая взлётная полоса могла быть закрыта на четыре метра в глухой тайге под двухсотлетним лесом? И кто? Римляне? Чингисхан? На этой глубине?

Капитан Тарасов резко вскинул голову. Его глаза сверкнули диким огнём. «ЦЫШ!» – его шипение перекрыло шёпот сверху и робкий голос Гибадуллина. Офицер яростно сжал кувалду в руках, его суставы побелели от натуги.

– Болтовни – ноль! – он бросил косой взгляд на солдат наверху, замерших в ожидании приговора, – это просто... особо прочный старый бетон! Подумаешь, находка! Ещё и не такое откапывали... Его голос ломался от натянутой уверенности. Он нервно потянул рукав куртки и бросил испепеляющий взгляд на рядового Макарова, который всё ещё стоял у экскаватора.

– Макаров! Ты чего там замечтался?! Пошёл заводить экскаватор! – Комай траншею глубже вдоль этой стены! Сними ещё землю над плитами! Аккуратно! – Его команда сорвалась на крик, обнажая трещину в самообладании. – Выяснить габариты этой помехи!

– Есть, товарищ капитан! – рядовой Макаров резко выпрямился, снял пилотку, вытер лоб рукавом и кинулся к тяжёлой машине. Земля задрожала под тяжёлыми гусеницами экскаватора, приближающегося к краю траншеи. Лязг и треск веток звучал как дробь барабана перед боем.

«Пойду доложу...» – буркнул Тарасов себе под нос, его лицо оставалось каменным, но пальцы нервно теребили перстень. Он начал выбираться из траншеи, цепляясь за корни и выступы глины, сапоги скользили по осыпающейся стене. Его движения были резкими, лихорадочными – будто земля под ногами вдруг стала раскалённой. Оторвавшись от стенки наверху, он махнул рукой в сторону солдат, всё ещё толпившихся у края пропасти:

– Пацаны, а ну, за лопатами! Расчистить насколько возможно... час работы максимум! – Он рывком поправил куртку, запачканную серой глиной и странной пылью с плиты, и кинул последний взгляд вниз, на гладкую черноту. Его голос сорвался на полусшепот: – ...но чую, что получим мы завтра нагоняй за простой... – В его глазах мелькнуло нечто большее, чем страх перед выговором – предчувствие фундаментальной катастрофы.

Василий, которого призвали после второго курса юридического факультета, уже знал, что после армии он окончит юридический, станет следователем, может быть даже и по особо важным... Он в детстве начитался детективов, книжек про сыщиков и просто грезил о такой работе. Он смотрел на плиту под его бульдозером, и его аналитический ум уже начал свою работу. Василий молча следил за происходящим из кабины бульдозера, руки всё ещё крепко сжимали рычаги. Его пальцы дрожали, но не от страха перед офицером, а от внутреннего напряжения. Его ум, приученный университетской библиотекой к анализу улик и построению логических цепочек, уже работал на пределе. «Пропорции прямоугольника... идеальные углы... глубина залегания под девственным лесом... материал неметалл, не бетон... гладкость аномальная...» Он мысленно перебирал факты, отсекая невозможное. Старый бункер? Слишком глубоко, слишком гладко, слишком... чуждо. Доколумбовая цивилизация? В сибирской тайге? Абсурд. Его взгляд упал на крошечный скол у стыка плит – тот самый, что получился от лома Тарасова. «Физические свойства не совпадают ни с одним известным материалом», – констатировал внутренний голос будущего юриста, – значит, неизвестный... Это открытие леденило душу и одновременно зажигало в ней навязчивую, почти детективную искру любопытства. Кто? Когда? Зачем? И главное – что *это* такое?

Василий медленно вылез из кабины. Горячий металл рамы обжёг ладонь, но он почти не почувствовал этого. Его внимание было приковано к Гибадуллину, который стоял у плиты, зажав в кулаке осколок – тот, что откололся от стыка при последнем ударе Тарасова. Солдат переворачивал его в пальцах, разглядывая с напряжённым непониманием человека, столкнувшегося с алгеброй после жизни в мире простой арифметики. Его лицо было бледно под слоем пыли и пота.

– Тимур, – обратился Василий, голос его звучал неожиданно спокойно в натянутой тишине траншеи, заглушённой приближающимся лязгом гусениц экскаватора Макарова, – дай-ка мне этот осколок... тот, что ты подобрал, – его просьба была не приказом, а доверитель-

ным шёпотом следователя, начинающего собирать вещественные доказательства. Гибадуллин вздрогнул, словно очнувшись, и протянул руку. В открытой ладони лежал кусочек размером чуть больше ногтя, острый как бритва, необычный, даже на расстоянии.

Василий снял рукавицу и осторожно принял крошечный фрагмент из дрожащей ладони Гибадуллина. Осколок сверкнул гладкой поверхностью, противоречащей его пониманию. Он поднёс находку к глазам, заслонив ладонью от солнца. Материал не был однородным: под слоем глазуривидной чёрной плёнки просматривались микроскопические ячейки, как у современного бетона, но ровные и упорядоченные, как пчелиные соты. Структура напоминала что-то искусственное, но нечеловеческое – слишком совершенное, слишком чуждое. На срезе свет преломлялся странно, создавая иллюзию глубины, будто Василий смотрел не на поверхность, а в бездонный колодезь.

Гибадуллин зашептал, переминаясь с ноги на ногу:

– В Самарканде на раскопках... видел старую плитку... похожу, только светлую... – Василий почти не слушал. Он поворачивал осколок в пальцах, ощущая его структуру – под гладкой поверхностью ощущались микроскопические грани, будто материал был выращен, а не вылит. Его пальцы осторожно прошли по краю обломка, вызывая благоговейное удивление и восторг. «Никакой бетон так не застывает», – подумал он, вспоминая университетский курс криминалистики. Его взгляд скользнул вдоль гигантского прямоугольника плиты в глиняной стене. Лучи солнца падали косо, и вдруг он заметил нечто: едва уловимая гравировка по краю плит. Мелкая, почти незаметная, цепочка знаков. Василий замер, забыв дышать – видение было мимолётным, смутным, как морок, но слишком реальным.

В этот момент грохот экскаватора Макарова стал оглушительным. Тяжёлый ковш Э-5052 опустился точно в точку, указанной Тарасовым – чуть выше открытого правого края плиты, где стена траншеи плавно уходила в нетронутый грунт. Стальные зубья врезались в плотную глину с хрустом дроблёных костей. Первый укус ковша вырвал кубометр земли, обнажив свежий срез глубины: – серый суглинок, переходящий в жёлтую полосу песка. Земля послушно летела в отвал экскаватора – туда, где уже лежали кучи вынутого грунта. Макаров работал сосредоточенно, лицо его было напряжено от усилий управления рычагами. Гусеницы экскаватора медленно ползли вдоль края траншеи, позволяя ковшу углубляться и снимать пласты грунта параллельно злобной стене. С каждым движением он аккуратно вкапывался в землю над уходящими в стену траншеи плиты, пытаясь понять их истинные габариты и направление. Пыль стояла столбом, смешиваясь с густым запахом раскалённого металла и выхлопных газов.

Василий не отрывал глаз от места, где, как ему показалось, мелькнули знаки. Луч солнца скатился ниже, косым углом прорезая пыльную мглу над траншеей. Он прищурился, заслоня ладонью боковой свет. Да, там, прямо по краю дальней плиты, где она стыковалась с соседней, шёл тончайший рельеф. Не царапины от ковша или лома, а намеренная гравировка – длинная цепочка угловатых символов, напоминающих одновременно клинопись и схему электрических схем. Они были микроскопически мелкими, но идеально выверенными, как будто вырезаны лазером. Осколок в руке, казалось, пульсировал в его пальцах, будто синхронизируясь с ритмом этих знаков. Он чувствовал, как холод мурашками пробежал по его спине. Гибадуллин стоял рядом, пристально глядя в указанное место, его дыхание стало поверхностным, неровным. Его губы шевелились беззвучно.

– Тимур... – Василий прошептал так тихо, что слова едва вырвались из пересохшего горла. Грохот экскаватора Макарова заглушал его почти полностью. Он повернулся к товарищу, его глаза, широко раскрытые от открытия, метнулись к Гибадуллину, – ты... ты тоже это видишь? – Его указательный палец, всё ещё сжимавший маленький осколок, дрожал, направленный точно вдоль плиты к месту загадочной гравировки. Он пытался прочесть узор – символы не походили ни на кириллицу, ни на латиницу, ни на знакомые ему археологические находки. Они изгибались и ломались под невозможными углами, создавая ощущение движе-

ния. – Вон там... по самому краю... как будто... письмена... – Его голос сорвался на хрип. Аналитический ум уже рисовал сценарии: инструмент для создания такого – фантастика для 1987 года. Сама глубина залегания исключала современное происхождение. Ощущение чуждости, исходившее от материала и этих символов, сковывало его тело ледяной усталостью. Это было *написано*. Кем-то. Или чем-то.

Гибадуллин прильнул к плите, его нос почти касался холодной поверхности рядом с местом стыка. Он протёр рукавом заляпанный пылью участок гравировки, его пальцы оставили влажные полосы на серой глади. «Шайтан...» – вырвалось у него почти беззвучно. Он шурился, пытаясь разглядеть детали в косом свете.

– Вижу... как... странные узоры... только... страшные они... – Его лицо исказилось гримасой первобытного страха. Он резко отпрянул назад, словно его коснулось что-то невидимое, – там... буквы... но они... будто движутся? – Солдат запутался в собственных ощущениях, тыльной стороной ладони нервно потёр веко, – глаза болят, когда смотришь... – Гибадуллин отступил на шаг, спина его ударилась о глиняную стену траншеи. Его дыхание стало частым, поверхностным, как у загнанного зверя. Он зажмурился, затем снова взглянул на плиту – символы были неподвижными, но на периферии зрения создавалось жуткое ощущение их медленного, ползучего смещения. Отражение солнца в гладкой поверхности плиты вдруг показалось ему не светом, а взглядом чего-то огромного и спящего в глубине земли.

В этот момент сверху послышался голос Макарова.

– Я три метра прошёл в сторону... а эти плиты... – его голос сорвался на полу крик, заглушаемый воем двигателя экскаватора и лязгом гусениц, – ...они уходят ещё дальше... под лес!

Последние слова прозвучали с оттенком чистой паники, техника замерла на краю траншеи. Макаров выглянул из кабины, его лицо под слоем грязи было серым, как зола. Он криво сидел на огромном сиденье экскаватора, словно силы покинули его тело. Пальцы его крепко впились в холодный металл поручня кабины. – Там... там, где лес... я ковшем чуть подцепил грунт выше плиты... и эти... эти стыки... – он сделал паузу, глотая воздух, – они продолжают! Ровно так же! Дальше в землю уходят! Насколько – хрен его знает! Минимум на десяток метров вглубь тайги! – Он махнул рукой в сторону нетронутого массива тёмной хвои и вековых кедров, возвышавшихся над краем вырубki всего в пятидесяти метрах от траншеи. Оттуда тянуло холодом и запахом влажной прелой хвои – обычным летним ароматом тайги, но теперь он казался зловещим, как дыхание самой находки. Солнце скрылось за вершинами деревьев, отбрасывая длинные тени прямо на плиту в траншее.

Гибадуллин медленно поднял глаза от микроскопических знаков, которые только что рассматривал вместе с Василием. Его взгляд скользнул по безупречной линии стыка, затем перевёлся на гладкую плоскость плиты, отражавшую красноватый отблеск солнца, уже клонившегося к закату в небе над тайгой. Его губы подёрнулись странной судорогой.

– Точно взлётка... – пролепетал он еле слышно, больше для себя, чем для Василия. Его глаза расширились, наполнившись внезапной, почти мистической уверенностью человека, вспомнившего древние предания своей земли. Он глотнул воздух, и голос его окреп, став хриплым шёпотом, перекрывающим лязг техники: «Виманы...» – Слово повисло в воздухе тяжёлым, непонятным камнем. Василий нахмурился не понимая. Гибадуллин обернулся к нему, его лицо исказила смесь страха и странного религиозного экстаза. – В старых книгах... в Индии... летающие колесницы богов... Виманы! – Он ткнул пальцем в плиту под их ногами: – их посадочные места! Они такие же гладкие! И прочные! И пишут на них знаками солнца!

«Виманы...» – прошептал Василий Савельев, машинально повторяя странное слово, будто пробуя его на вкус. Ледяное эхо от осколка в его руке вдруг стало осязаемым пульсом, синхронизировавшимся с ритмом угловатых символов на плите. Физик внутри него возмущался: сказки! Мифы! Но детектив, живший в его сердце с детства, лихорадочно сопоставлял

факты. Идеальная плоскость под двухсотлетним лесом. Глубина, исключая современные технологии. Материал, отвергающий сталь и бетон. Гладкость, противоречащая инженерным законам. И эти письмена – нечеловечески точные. Что, если Гибадуллин не сумасшедший? Что, если это действительно... платформа? Для чего-то, что *прилетало*? Ужас и восхищение смешались в его груди ледяным коктейлем.

Рычащий экскаватор Макарова внезапно замолчал. Грохот стих, оставив после себя оглушительную, звенящую тишину, которую тут же заполнил тяжёлый топот сапог по глинистому склону. Все головы резко повернулись вверх. На краю траншеи стоял капитан Тарасов. Его лицо пылало багровой краской не от жары, а от ярости или сдержанной паники. Куртка была расстёгнута на воротах, воротник мокрый от пота, глаза – узкие щёлочки в опухших веках. Он тяжело дышал, будто бежал через всю тайгу. Василий мгновенно спрятал маленький осколок в карман, ощутив жгучую потребность сохранить артефакт. Гибадуллин замер, прижимаясь спиной к стене траншеи, как застигнутый врасплох заговорщик. Солдаты наверху застыли в ожидании.

Тарасов не смотрел на плиту. Его взгляд скользил по верху голов, уставясь вдаль, будто оценивая масштаб катастрофы – остановленной стройки, уставившихся лиц, немой вопрос в глазах подчинённых. Он резко плюнул вниз, серый комок слюны упал на гладкую плоскость плиты у ног Василия, растёкшись влажным пятном по тёмно-серой поверхности.

– Значит так! – голос офицера гаркнул, словно разрывая натянутую тишину ножом. Он сделал шаг ближе к краю, осыпавшаяся глина полетела вниз. Командный тон был натужным, искусственным, как маска. – Слушай приказ! – Сапог его опустился на ковш экскаватора Макарова с глухим металлическим стуком. – Разговоры отставить! – Он бросил испепеляющий взгляд на Гибадуллина и Василия, замерших у плиты. – Траншею докопать! – Палец резко ткнул вниз, указывая на уже почти достигнутую проектную глубину четыре метра у противоположной стены траншеи, где не было никаких плит. Туда, где бульдозер Василия должен был работать. – Макаров! Тебя куда понесло? Комай там, где указано планом! Глубину под слой гравия выдерживать!

Он перевёл дыхание, рывком поправил фуражку. Голос его трещал, как перегретый двигатель.

– Эту... аномалию... – он кивнул в сторону плит, избегая смотреть на них прямо, – ...камень засыпать! Прямо сейчас! Самосвал с песком подогнали! – Василий взглянул вверх – действительно, КАМАЗ стоял недалеко от края, из кузова сыпался мелкий гравий с песком.

– График наверстать! Чтобы к утру первый слой гравия был уложен! – Приказ вырвался криком, подчёркнутый резким жестом руки, будто рубящим невидимого врага. Его глаза метались, избегая застывших лиц солдат и ледяного сияния плиты.

– Савельев! Ты с бульдозером где? Давай, равняй дно! Подсыпай гравий в эту... яму! – Он повернулся к куче песка и щебня, сгруженной рядом. – Остальные! Лопаты в руки! Заваливать этот участок! Бункер старый, фундамент... неважно! Закапывать!

Василий замер, маленький осколок в кармане, казалось, жёг бедро сквозь ткань. «Закапывать?» Его детективная логика взбунтовалась. Это была главная улика! Но приказ – закон. Он медленно подошёл к бульдозеру, ощущая на себе тяжёлый взгляд Тарасова. Гусеницы заскрежетали по камням, двигая машину к насыпи гравия. Лезвие бульдозера с грохотом врезалось в гору щебня. Первый ковш холодного камня обрушился вниз, ударившись о гладкую поверхность плиты с глухим стуком. Серый гравий покотился по чёрной плоскости, как капли дождя по стеклу, заполняя прилегающие углубления. Василий глянул вниз – белёсый островок слюны Тарасова уже исчез под навалом...

Глава первая. Два с половиной года спустя.

«...Итак, статья девятнадцатая Уголовно-процессуального кодекса гласит...» – голос профессора Костомарова звучал как далёкий гул реактивного двигателя над тайгой. Василий Савельев сидел у окна юридического факультета, пальцы сжимали простую шариковую ручку. За спиной – четвёртый курс, впереди – диплом. За окном Неву серебрил холодный ветер, а перед глазами стояла непоколебимая плоскость плиты, которую, два с половиной года назад, они закопали в тайге: тёмно-серая, почти чёрная, холодная, принимающая первый ковш гравия с глухим стуком. Слово «Виманы» эхом отзывалось в его костях.

Он выдернул себя из транса, черкнул в конспекте. Право. Справедливость. Его новый арсенал. Но в шкафу, в общежитии ЛГУ, лежал тот кусочек – единственный свидетель таёжного молчания. Уже два с половиной года прошло... или всего? Василий провёл пальцем по стеклу, следя за холодной зыбью Невы. Ветер рассекал серые камни набережной ледяными ножами. «Древние боги», – всплыли слова Гибадуллина, словно масляные пузыри в болоте памяти. Тарасов тогда был похож на загнанного зверя. Почему? Ответы заперты под тоннами бетона где-то в красноярской глуши. И... в его сознании, из которого уже никогда не выбросить ту плиту.

Лекция закончилась шуршанием бумаг и скрипом стульев. Василий медленно шёл по коридору филфака ЛГУ, толпа студентов обтекала его, сливаясь в размытое пятно голосов. Первые месяцы после дембеля он горел как торф: перелопатил библиотеку, рисовал схемы микросотовой структуры на полях конспектов уголовного права. Потом пламя притухло – недостаток материалов для размышлений, отсутствие новых фактов и необходимость жить и думать о настоящем сделали своё дело. Но память... её не сотрёшь...

Василий вспомнил, как он, ещё в восемьдесят седьмом, в первый же день после восстановления пришёл в библиотеку и спросил, есть ли у них что ни будь про «древние камни» ...

***

Библиотекарь по имени Михаил Семёнович, или просто, «Семёныч», как его все звали, посмотрел на него поверх очков так, что Василий почувствовал себя первокурсником на допросе у декана. Старичок долго молчал, ворочая в руках карточку читателя Савельева, будто пытаясь по ней прочесть подлинные мысли студента. Его пронзительный взгляд – ледяной и острый, как сибирский ветер – казалось, проходил сквозь Василия насквозь.

– Вы давно этим интересуетесь или вам для начального уровня? – спросил он наконец беззвучным голосом библиотечного хранителя, но в вопросе чувствовалось нечто большее: будто он спрашивал не о книжках, а о самом смысле этих поисков.

Василий едва не поперхнулся слюной. Его пальцы сами сжались в кармане брюк, будто ощущая присутствие маленького осколка, который лежал в шкафу в его комнате в общежитии.

– Начального уровня, конечно – он же пришёл просить учебник по археологии для общего развития. Но почему тогда библиотекарь смотрит так, словно знает о плитах с нечеловеческой гравировкой? Василий машинально мямлил что-то прозаичное про курсовую по истории права Сибири, но старик медленно отодвинул карточку и поднялся с деревянного стула, который скрипнул, как травмированный сустав.

Семёныч прошаркал за стеллажи, скрывшись в лабиринте книжных корешков. Через минуту он вернулся, держа с полуулыбкой книжку в красной обложке.

– Вот, – сказал он, протягивая Василию издание с обтрёпанными углами, – не самый начальный уровень, но написано популярно...

Василий взял книгу, ощутив под пальцами шершавую ткань переплёта. Название бросилось в глаза белой краской: «Книга о камне». Автор – В. И. Лебединский и Л. П. Кириченко. На обложке – египетская статуя и фрагмент стены с древними рисунками.

– Но, это же... – Василий разочарованно протянул, перелистывая страницы с чёрно-белыми картинками горных пород и схемами обработки камня древними цивилизациями, – «...библиотека школьника» ... Он ощущал кисловатый привкус во рту. Где микросотовые структуры? Где следы нечеловеческой технологии? Это была детская энциклопедия для любопытных восьмиклассников.

– А там всё хорошо написано, – ответил Семёныч, не отводя пронзительных глаз от Василия. Морщины у уголков его губ углубились в полуулыбку, – тебе, думаю, в самый раз, для начала. Потом спасибо скажешь, – его голос звучал как шелест пергамента, но взгляд был острым скальпелем, будто распарывающим Васильеву душу и видящим в ней запертый осколок таёжной плиты. Василий вздохнул с сожалением, но книгу взял, пальцами сжимая шершавый переплёт. Тяжёлый запах пыли и старой бумаги ударил в нос. Он повернулся к выходу, чувствуя на спине незримое давление библиотечарского взгляда – холодное, оценивающее, как ветер над Нижней Тунгуской.

Тяжёлая дверь библиотеки скрипнула позади него так, будто камень тёрся о камень. Василий шагнул в сумрак коридора, где студенческие голоса сливались в пятнистый гул. Он машинально сунул книгу в сумку, пальцы нащупали в кармане холодный металл ключа от комнаты в общежитии. Там в шкафу, завёрнутый в холщовую тряпицу, лежал осколок. «Школьники», – мысленно фыркнул он, вспоминая картинки с египетскими пирамидами. Он шёл медленно, почти ощущая под ногами не паркет, а хруст гравия на чёрной плите. Где ответы? Под тоннами бетона в тайге? Или в этой детской книжке? Горечь подкатила к горлу – кисло и солоно, как после пыльной работы на бульдозере.

Он вошёл в свою комнату, бросил сумку на стул, достал книжку «О камне». Перелистнул.

«В популярной форме рассказано о возникновении горных пород...» – аннотация вначале звучала унизительно просто. Страницы пахли пылью и долгим бесполезным стоянием на полке. Василий сел на койку, откинув учебники по уголовному процессу, – «...и следах прошлой жизни, сохранившейся на камне...» – прочитал он аннотацию дальше.

«Прошлой жизни?» – эта фраза в аннотации книги ударила Василия как током. Его пальцы непроизвольно сжали страницы, оставляя на них влажные отпечатки. Пыльный запах старой бумаги вдруг приобрёл отчётливый металлический привкус – точь-в-точь как тот день в тайге, когда его бульдозер скрежетал по камням над чёрной плитой. «Следы прошлой жизни» ... – неужели эти академики в курсе? Он лихорадочно перелистнул несколько страниц, его сердце, колотилось где-то в горле. Перед ним мелькали главы о следах древних морских организмов в известняке, отпечатках лап динозавров, ископаемых раковинах... Ничего о микросотовых структурах или идеальных плоскостях. Горечь разочарования подкатила к горлу. Школьники. Всё для школьников...

Но статью о камнях Египта он незаметно про себя прочитал с интересом, который сам себе не хотел признавать:

«Блоки тщательно подогнаны, что нельзя просунуть лезвие ножа... Храм Амона-Ра с перекрытиями из огромных плит» ... Каждое слово цеплялось за его память, как зазубрина на металле. Он представлял эти циклопические плиты Карнака – гладкие, безупречно пригнанные, возвышающиеся над песками пустыни. И вдруг перед его внутренним взором встала не египетская усыпальница, а их сибирская находка: такая же монолитная, такая же неестественно гладкая тёмно-серая плоскость в таёжной глуши. Но там, в Египте, хоть знали, кто строил. Там были фараоны, рабы... Человеческие руки. А в тайге? Тарасовский гравий, гусеницы бульдозера, крики солдат и эта слепая, молчаливая плита, принявшая свою могилу из щебня без единого звука протеста. Он перелистнул несколько страниц.

На странице 168 начиналась статья про Мачу-Пикчу, город инков.

«Город Солнца... Храм Трёх Окон... Крепость была построена неизвестным народом до Инков...», – Василий замер, рука с книгой дрогнула. «Неизвестным народом»... Слова уда-

рили по нервам, как искра. Идеальные стены из гигантских камней без раствора, циклопическая кладка в Андах. Текст упоминал полигональные блоки, подогнанные с такой точностью, что казались отлитыми в гигантских формах. И главное – эти камни тоже были частью чего-то гораздо большего, фундаментом более поздних построек инков, словно встроенных в более древнюю платформу. Прямо как их плита под сибирскую взлётку...

Василий почувствовал, как ком в горле вдруг стал тяжелее. Он мысленно видел Гибадуллина, его дрожащие руки, показывающие стык их плиты, уходящей под лес: «Смотрите... линия идёт дальше...». Город Солнца. Таёжная глушь. Разные континенты, но один и тот же почерк – исполинские плиты, спрятанные под землёй или горами, возведённые теми, кого история забыла или знать не желала. Или теми, кого боялись вспоминать? Пыльный воздух комнаты загустел, запах старой бумаги смешался с призрачной сыростью сибирской траншеи и терпким запахом пота Тарасова. Ему вдруг показалось, что он отчётливо слышит пульсацию осколка в шкафу, хотя знал – физически его там неслышно.

«И такое пишут для школьников?» – подумал Василий, нетерпеливо перелистывая страницы. Статья про стрелы Аксума и крепости Зимбабве окончательно добила его. Там говорилось о мегалитах Эфиопии – вертикальных обелисках из цельного камня высотой с пятиэтажку, будто выточенных лазером, и о Великом Зимбабве – циклопической крепости в Африке, сложенной из идеально подогнанных гранитных плит без раствора. Авторы честно писали: «Происхождение этих сооружений неизвестно. Местные легенды приписывают их строительство богам или исполинам». Василий резко захлопнул книгу. Гневное шипение вырвалось у него наружу:

«Боги... Исполины...» – прошептал он сквозь зубы, – точно, как Гибадуллин тогда: «Виманы... Древние боги». В этих сухих строчках школьной энциклопедии сквозило то же леденящее недоумение, что и в глазах солдат у траншеи. Академики вроде знали, но списывали на сказки. Или намеренно опускали самое главное? Почему Семёныч дал ему именно эту книгу? Старик знал что-то. Этот его взгляд пронзал насквозь...

На следующее утро он был снова в библиотеке. Пыльный воздух был густ от тишины раннего часа. Семёныч сидел за своим столом, разбирая карточки. Увидев Василия на пороге, он медленно поднял голову. Его глаза, скрытые толстыми линзами очков, сузились. Уголки губ чуть дрогнули, сложившись в ту самую загадочную, почти сфинксовую полуулыбку.

– Я знал, что ты опять придёшь... – прошептал библиотекарь голосом, напоминающим шелест страниц древнего фолианта. В его интонации не было удивления, лишь тихое удовлетворение, будто он наблюдал за ходом предсказуемого эксперимента. Василий почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он сделал шаг вперёд, вплотную к столу библиотекаря, книга «О камне» тяжело легла на стойку перед стариком.

– Михаил Семёныч... Что это было? Почему вы дали мне именно эту книгу? – Его голос звучал громче, чем он хотел. Семёныч, не спеша, убрал карточки в ящик. Его пальцы, узловатые и жёлтые от никотина, коснулись обтрёпанного переплёта.

– А что, Савельев? Не понравилось? – спросил он, глядя прямо в глаза Василию. Этот взгляд был по-прежнему острым, но теперь в нём читалось что-то иное – вызов.

– Там... там написано про всё. Египет, Инки, Зимбабве... Неизвестные строители... Легенды о богах... – начал Василий, сбивчиво роняя слова. Семёныч кивнул, медленно, как будто взвешивая каждое движение головы.

– И что? – произнёс он почти беззвучно, наклоняясь чуть вперёд. Его дыхание пахло никотином, старым чаем и бумажной пылью.

Василий ощутил, как его пальцы сами собой сжались в кулаки. «И что?» – этот вопрос прозвучал как глухой удар невидимого молота в тишине библиотеки. Библиотекарь знал. Он знал с самого начала. Он вдруг осознал, что стоит на грани – либо сорваться на крик, либо рухнуть перед этим стариком на колени, умоляя рассказать больше, всё... Он вдруг почувство-

вал, как его небо вдруг пересохло, словно он глотнул таёжного морозного ветра, видел, как Семёныч медленно выпрямляется, загадочно улыбаясь.

– Я для тебя ещё кое-что приготовил... – он выложил на стойку журнал «Техника молодёжи» №11 за 1973 год. Обложка была жёлтой от времени, углы мятыми. На ней был изображён... лыжник в современном костюме на современных горных лыжах... Василий не понял при чём тут лыжи и камни... Он поднял озадаченный взгляд с журнала на Семёныча. Тот молча кивнул на журнал: – Страница 50...

Василий перевернул хрустящие страницы, пахнущие плесенью и старым клеем. Статья называлась: «Кто, как и зачем построил Баальбек?» Автор – Владимир Иванович Авинский. Фотографии ударили его в солнечное сплетение. Гигантские плиты платформы, террасы Юпитера – каждая весом в сотни тонн. Огромные блоки так называемого Трилитона казались вырезанными из единой скалы каким-то гигантским лазерным ножом, их грани – идеально гладкими и точно состыкованными под микроскопическими углами. Без следов зубил, без следов распилов – как будто материал просто резали скальпелем божественного масштаба. «...Технология обработки и транспортировки монолитов остаётся загадкой для современной науки...» – гласил текст. Василий почти физически ощутил под пальцами холодную гладь своей плиты в тайге – такую же невозможную, такую же безупречно гладкую. Его пальцы дрожали, листая страницы. Там описывались следы неизвестного инструмента – словно камень был мягким пластилином при обработке.

«По преданию, Баальбек был основан Каином – сыном Ноя». Василий прочитал эти слова трижды. Его память, натренированная юридическим факультетом, мгновенно прокрутила библейскую генеалогию. Сын Ноя? Нет! Каин был изгнанником, сыном Адама ещё до Потопа! Библиотечный воздух вдруг стал густым, как сибирский туман над траншеей. В тексте появилась опечатка или... сознательное искажение? Он впился в следующую фразу: «В гневе он построил здесь сооружения для своего сына Еноха и назвал это место в его честь». Енох... имя эхом откликнулось в памяти. Ветхозаветный Енох, который «ходил пред Богом» и был взят на небо живым, не увидев смерти. Кусок плиты в шкафу общежития, казалось, будто пульсировал сквозь стены. Зябкая дрожь пробежала по спине Василия. Гибадуллин шептал тогда: «Не люди...». Тарасов кричал: «Закапывай!». А здесь – гневный Каин, строящий город для сына, вознесённого богами? Логика рушилась, как дешёвый кирпич. Он лихорадочно перешёл к дате: «Первое упоминание об этом городе относится к XIV веку до нашей эры к временам египетского фараона Эхнатона». Эхнатон... Реформатор, вводивший культ единого бога Атона. Солнечный диск. Василий внезапно вспомнил странный символ на их плите – нечто вроде круга с расходящимися лучами, выгравированное рядом с геометрическими узорами, которые он скопировал на поля своих конспектов.

– Версии путают учёных, – прошептал Семёныч так тихо, что слова слились с шелестом страниц. Его глаза за толстыми стёклами остекленели, будто он видел не Василия и библиотеку, а древние плиты на другом конце земли. «Римляне? Нет. Стилль не их. Финикийцы? Не оставили следов». Он замолчал, пальцы нервно постукивали по старым карточкам. Василий замер ожидая. Библиотекарь наклонился ближе, запах чайной заварки и пыли смешался с напряжением.

– Неизвестная цивилизация? Инопланетяне? Даже космонавт Гречко не исключал... – Семёныч выдержал драматическую паузу, – ...сказал, что «Может быть, это строили те, кто помогал нам летать, когда мы ещё не знали, что такое полёт...». Фраза повисла в воздухе, как гул реактивного двигателя над сибирской тайгой. Василий ощутил тяжесть воспоминания. «Помогали летать? Виманы, про которые говорил Гибадуллин?» Его мозг юриста лихорадочно сопоставлял факты: Баальбек – неизвестные строители, их плита – неизвестные строители, Енох – вознесённый живым, Гречко – космонавт, говорящий о помощи в полётах... Это не

легенды. Это цепочка улики. Он машинально потрогал карман брюк – пусто его камень лежал в шкафу, в его комнате. Но память о тяжести его маленького осколка была острее реальности.

– Семёныч... – прошептал Василий, его голос сорвался от напряжения. Библиотекарь медленно поднял взгляд от карточек. Его глаза, острые как скальпель под толстыми стёклами, впились в Василия с безошибочной точностью старика-хранителя знаний. Василий почувствовал, как его сердце колотится о рёбра, будто пытаясь вырваться из клетки, – а что у тебя ещё есть? – Он бросил вызов взгляду библиотекаря. Семёныч развёл руками в универсальном жесте бессилия учёного перед бездной прошлого. Пальцы его дрогнули – узловатые, жёлтые от табака и чернил. Он вздохнул тяжело, звук напоминал скрип ветхой переплётной доски.

– С фактами туго. Но есть ещё куча мифов...

Тяжёлая тишина опустилась между ними, наполненная лишь запахом пыли и старой бумаги. Морщины у уголков губ библиотекаря углубились. Он молча достал из ящика стола блокнот с выцветшей обложкой. Страницы были испещрены мелким, угловатым почерком самого Семёныча. Василий увидел выписки из книг, названия которых звучали как заклинания: «Мифы Сибири и Дальнего Востока», «Неизвестный Тунгусский феномен», «Легенды эвенков о каменных исполинах» ... Библиотекарь медленно перевернул страницу. Там среди заметок о шаманах и духах тайги, выделялась красным карандашом запись: «Загадки древнейшей истории (Книга гипотез)» и книга «Факты, догадки, гипотезы». Автор – Александр Горбовский.

Василий внезапно почувствовал, как пересохло его горло, как будто он наглотался сибирской пыли с бульдозера. Семёныч ткнул пальцем в блокнот.

– Видишь? Факты. Гипотезы. Догадки. Доказательств мало. Учёный неоднозначный, и книг этих у нас в библиотеке нет. Но, если ты занялся этой темой, то найти и почитать книги Горбовского тебе надо... много пищи для ума... – Его голос прозвучал устало. В этом голосе Василий услышал что-то – то ли сожаление, то ли давнюю боль человека, который тоже когда-то искал ответы.

Семёныч закрыл блокнот и вдруг резко переменял тему:

– Ты студент-третьекурсник, Савельев? Время у тебя ещё есть. Но помни: если ты потянешь эту нить, она может вытянуть тебя туда, куда ты не планировал. Возможно, ты узнаешь что-то такое, что... – Он замолчал, словно выбирая слова, а потом добавил: – Смеяться будешь, но вот эта книга... – он достал с полки потрепанную брошюру «Легенды народов Сибири» – ...здесь есть упоминания о каменных исполинах, которые могли перемещать скалы одним прикосновением. И о том, что в тайге есть места, куда шаманы запрещали ходить. Говорили, что там живут духи, которые... не наши...

Василий перехватил взгляд библиотекаря и почувствовал, как по спине пробежал холод мурашек. В его голове всплыл образ капитана Тарасова – его бледное, потное лицо, дрожащие руки, когда тот кричал: «Закопать! Быстро!» – будто не плиту боялся, а чего-то другого... Семёныч заметил его дрожь и вдруг резко схватил его за запястье костлявыми пальцами.

– Ты уже видел что-то, да? – прошептал он, и Василий почувствовал, как под ногтями старика впивается в его кожу что-то липкое – чернила или... пыль? Та самая, что осела на страницах запретных книг, – говори!

Василий попытался высвободить руку, но пальцы библиотекаря сжались ещё крепче. В воздухе запахло плесенью и чем-то металлическим – будто кто-то рядом точил нож. Семёныч наклонился так близко, что Василий разглядел в его расширенных зрачках собственное отражение, искажённое, будто в кривом зеркале. Губы старика дрожали – не от старости, а от какого-то странного возбуждения. Василий снова дёрнул руку, но старик держал крепко. В глазах Семёныча читалось нечто большее, чем просто любопытство – голод. Голод человека, который десятилетиями копался в пыльных фолиантах в поисках того, чего кто-то очень не хотел, чтобы это было найдено. В глазах Семёныча вспыхнул тот же безумный огонёк, что он

видел у Гибадуллина в ту последнюю ночь перед закапыванием плиты – смесь ужаса и одержимости. Он уже чувствовал, как его запястье начинает неметь под железной хваткой библиотекаря, когда так же внезапно его кисть ослабла и он отпустил руку Василия.

Отстранившись, Семёныч снова раскрыл свой блокнот, и его пальцы, жёлтые от никотина, пробежали по страницам, словно шаманские кости по ритуальному кругу:

– Горбовский... – Семёныч ткнул пальцем в блокнот, в фамилию Горбовского, провёл ладонью по обложке блокнота, оставляя на ней мутный след. Василий видел, как дрожит его рука, не от старости, а от напряжения: – В шестидесятых его книги издавали сотысячными тиражами. А потом вдруг... исчезли. Исчезли и его статьи, и его имя в каталогах. Как будто кто-то взял и вырезал ножницами... – Семёныч внезапно закашлялся, и в темноте между стеллажами эхо разнесло этот звук, будто смех, – видишь? «Факты. Гипотезы. Догадки». Доказательств мало. И пишет он сейчас в основном фантастику... хотя...

***

Василий встряхнулся, сбрасывая воспоминания о прошедших двух годах. Сейчас он шёл с лекции по коридору филфака. Пятый курс. Впереди – защита диплома. Он много думал о той плите, которую было приказано закопать два с половиной года назад. Он много и регулярно читал о древних камнях и цивилизациях, читал всё, что было доступно. Сейчас, в 1989 году, когда «Перестройка» победила окончательно, писать стали больше и журналов стало больше. Но, вместе с тем стало и больше непроверенной и откровенно недостоверной информации, которая выливалась в огромных количествах на слушателей и читателей, ошалевших от «Гласности», царившей в Союзе. Но он уже научился эту информацию фильтровать и отделять зёрна от плевел. Те крупницы информации, которая заслуживала доверия, он изучал, проверяя по другим доступным источникам.

Книгу Горбовского «Факты, догадки, гипотезы». он тоже нашёл, на книжной толкучке, и прочитал. Горбовский писал в заключение: «Возможно, читая эту книгу, вы соглашались не со всем, что написано в ней. Это естественно. Автор меньше всего задавался целью представить некий свод окончательных и бесповоротных истин. Иначе это не была бы книга гипотез. Вот почему точка зрения автора не только не исключает, но и предполагает возможность иных мнений и других подходов. Не нужно спешить говорить невозможно!»

Страницы пахли затхлостью подпольного хранения и чем-то ещё – горьковатым, как будто их пытались уничтожить, но передумали. Василий читал при свете настольной лампы в общежитии, отбрасывая взгляд на дверь каждый раз, когда в коридоре раздавались шаги. В маленькой книжке очень сжато перечислялись факты, приводились размышления автора и делались выводы. И, самое главное, – о находках, о которых когда-то писали, но потом замолчали, о древних книгах, которые сжигали...

Связь между находками древности в Сибири и верованиями коренных народов прослеживалась чётко, хоть и была плохо изучена. Автор не скрывал, что фактов было мало, но в одном он был твёрдо уверен: современные люди не были первыми, кто оставил следы на этой земле. И следы эти были скрыты, уничтожены или просто... забыты. Василий прислонился к холодной стене и на минуту закрыл глаза. Он снова вспомнил тот день, когда бульдозер врезался в плиту, вспомнил, с каким трепетом он взял тот маленький осколок из рук Гибадуллина, вспомнил, как капитан Тарасов кричал: «Закопать! Быстро!» Он вспомнил всё это и понял, что Горбовский был прав: не все тайны земли учёные с радостью исследуют. Осколок той самой плиты лежал у него в шкафу, в общежитии, в маленьком холщовом мешочке, завёрнутый в старый платок. Он доставал его иногда, когда никто не видел, и смотрел, будто ожидая, что он начнёт... Но осколок молчал. Как молчала и плита под тоннами гравия и песка где-то в глубинах сибирской тайги. Молчали и книги, и статьи, и люди, которые знали больше, чем говорили. Молчал и Василий, не пытаясь даже показывать его людям от науки.

И как не хватало ему сейчас Семёныча, который умер в своей маленькой квартирке год назад. Тихо, во сне – так рассказывали соседи. Не проснулся утром. Старик лежал с закрытой книгой на груди и очками, съехавшими на переносицу, будто просто решил отдохнуть среди страниц. На похороны пришли только трое: заведующая библиотекой, ещё одна библиотечкаря, которая хорошо знала Семёныча и он, Василий, который знал старого библиотечкаря так недолго, но который успел так много ему дать... Василий тогда подумал, что это хорошая смерть для библиотечкаря. Но сейчас, стоя у стены в коридоре университета, он ловил себя на мысли: а если старик знал слишком много? Если кто-то просто... помог ему уснуть?

Он вздохнул, прогоняя воспоминания и направился к выходу из корпуса. Сегодня у него под мышкой был научный журнал «Материаловедение экстремальных сред», который дался с боем – библиотечкаря недовольно хмурилась, услышав про «диплом по криминалистике». И ещё – в кармане у него лежала газета «Советская молодёжь». В ней, на третьей странице, была статья о Молебской аномальной зоне на границе Свердловской и Пермской областей. Статья большая, публиковалась каждую неделю в течение месяца: «Тайна треугольника», «Разбитые огни в небе», «Следы на снегу». Названия кричали о чём-то необычном. О том, что Василий видел своими глазами два с половиной года назад в глухой тайге Красноярского края. Про Молебку предстояло прочитать и решить, заслуживает ли эта информация доверия.

Василий остановился на площадке между этажами у высокого окна с видом на залитый серым октябрьским светом университетский двор. Пальцы сжали газету так, что бумага издала глухой хруст. Он закрыл глаза на мгновение – и снова увидел траншею глубиной четыре метра с тёмными плитами на дне, которые были холодными на ощупь, как вечная мерзлота. Видел испуганное лицо Гибадуллина, когда солдат сказал слово «Виманы». Видел лицо капитана Тарасова, когда тот приказал засыпать плиту и продолжать строительство взлётки. Воспоминания всколыхнулись с новой силой. Детектив внутри, тот самый, что когда-то заставил его поступить на юрфак, требовал действия. Он сжал пальцами край переплёта научного журнала – там были фотографии металлографических шлифов под электронным микроскопом. Он сравнит микроструктуру с узором своего осколка под криминалистической лупой. Кто знает? Может быть, хоть одна «сота» совпадёт? Или символы на ребре плиты повторяют хоть что-то из виденного человечеством?

Статью в «Советской молодёжи» следовало перечитать, проанализировать и решить, что из того, что там было написано, заслуживало доверия? В статье про Молебку описывали огни в небе, которые двигались против ветра, и следы на снегу – идеально круглые, будто кто-то проткнул снег горячим прутком. Очевидцы говорили о чёрных фигурах в лесу – высоких, с непропорционально длинными руками. В одной из заметок упоминался местный геолог, который нашёл в тайге идеально круглую воронку с оплавленными краями. Василий резко остановился. Его взгляд скользнул по абзацу с описанием находки геолога: «На глубине двух метров обнаружены фрагменты чёрного стеклоподобного материала с микрочаеистой структурой...» Кровь ударила в виски. Тот же материал? Та же структура? Он уже представлял себе карту: Молебка – север Урала, их стройбат – Красноярский край. Между ними тысячи километров тайги. Но если это части одного целого...

Шаги его стали твёрже и быстрее, гулкие звуки лестничных пролетов переходили в глухое эхо. Василий почти бежал – неловко, по-студенчески, забыв про степенную профессорскую походку, которую так старательно перенимал на юрфаке. В кармане пальто газета словно жгла кожу, будто это была не бумага, а обломок той самой плиты, который сейчас ждал в холщовом мешочке. Он представил, как снимет платок, как прикоснётся к прохладной поверхности осколка – вдруг сегодня, после всех этих статей, заметок, гипотез, он увидит то, что пропустил раньше?

Воздух в его комнате в общежитии казался густым, пропитанным запахом старых учебников и металлической пылью от батарей. Василий разложил газету на столе рядом с журна-

лом и потянулся к шкафу. Холщовый мешочек с осколком лежал там же, где и всегда – за стопкой конспектов по уголовному праву. Сердце бешено стучало под рёбрами – ещё секунда, и он увидит его снова. Василий достал его осторожно, будто яйцо азиатского дракона. Внутри, завернутый в серый носовой платок с вылинявшей синей каёмкой, лежал тот самый осколок. Он вытащил его, положил на стол рядом с фотоаппаратом «Зенит-Е» и криминалистическим микроскопом с кафедры уголовного процесса. Развернул платок. Осколок был как прежде: размером с ноготь большого пальца, тёмно-серая матовая поверхность с одной стороны и пористый неровный излом с другой. Он не бликовал. Не отражал медленно танцующие пылинки в полосе света из окна. Он просто лежал на ткани платка, безжизненный и немой. Василий включил настольную лампу под зелёным абажуром, чтобы свет не дал блика.

Он открыл журнал «Материаловедение экстремальных сред». Статья о матричных металлокерамических композициях для гиперзвуковых летательных аппаратов НАСА была иллюстрирована глянцевыми фотографиями металлографических шлифов под электронным микроскопом. Пунктиры кристаллических решёток, похожих на инкрустацию рыцарского доспеха. Василий включил настольную лампу «Лермонт». Жёлтый свет выхватил неровную грань камня. Он пододвинул микроскоп с масштабной сеткой. Сто шестидесятикратное увеличение. Дыхание его стало поверхностным, почти неслышным. Навёл объектив на границу скола. Мир в линзе распался на хаос. Но... ага! Вот оно! Под окуляром микроскопа проглядывала первозданная структура – шестигранные соты. То, что он разглядывал уже не раз. Правильные геометрические фигуры размером не больше зёрнышка мака. Ровные стенки без кристаллических дефектов. Слишком мелкие, слишком идеальные для современной земной технологии. Сотовая структура на фото в журнале была более грубой, более хаотичной... А здесь – правильная матрица, как пчелиные ячейки под микроскопом. Его пальцы занемели.

Василий сменил ракурс. Краешек осколка плиты. Там, где два с половиной года назад он узрел гравировку. Линза приблизила поверхность. Полупрозрачная оболочка над порами искажала изображение. Василий выключил лампу. Медленно прополз к окну. Осенний свет Питера – серый, без теней. Он поднял осколок на уровень глаз. Под косым углом к стеклу. Изменение преломления! Воздушный карман под замутнённой поверхностью вдруг ожил тенями. Он щурился, пока зрачки не расширились, как отверстие фотоаппарата. Тень разрезалась тонкой линией. Вертикальная черта. Вверху – горизонтальная чёрточка под углом. Ниже – едва заметная точка. Он замер. Это был не дефект материала. Это был один символ. Тот же контур угловатого штриха, идентичный гравировке на краю той гигантской плиты в тайге. Единственный знак на крохотном кусочке доказательства – неповторимый узор страха Гибадуллина.

Осторожно, как бомбу, он положил осколок на стол и схватил «Зенит-Е». Зеркальный видеоискатель показал камень в резкой чёткости. Он выставил выдержку длиннее – полторы секунды. Замер дыхания. Щелчок затвора прозвучал как выстрел в тишине комнаты. Плёнка запишет символ в деталях. Научное доказательство существования невозможного. Но доказательство – для кого? Для диссертации? Для академиков? Или для тех, кто написал это – или тех, кто боялся этого больше капитана Тарасова? Он вспомнил Тарасова: багровое лицо, пальцы, судорожно сжимающие планшет. То был не гнев глупого офицера. Тот приказ засыпать плиту был наполнен «страхом». Не зря Тарасов смотрел не на плиту, а поверх голов – словно ожидал взгляда с неба...

Сейчас, здесь, спустя два с половиной года, у него был только маленький осколок с ноготь его большого пальца. Этот кусочек лежал на столе общежития, бесшумный и безжизненный. Угловатый символ на его краю под лупой казался зарубкой на истории человечества. Василий провёл пальцем по грубой пористой поверхности скола – там, где стержень лома добрался до сердцевины. Он представил Гибадуллина, зажатым у стены траншеи, шепчущего «Виманы» с таким смешанным ужасом и экстазом. А теперь? Говорили, что Тимур Гибадуллин, рядовой строительного батальона, ушёл в религию сразу после дембеля. Уехал к родне – и будто рас-

творился на необъятных просторах страны. Его религиозный экстаз у таёжной плиты оказался не просто испугом – он стал пророчеством души, уставшей от земного. Молится ли он о прощении за увиденное? Или об избавлении? Или тревожно ждёт возвращения тех, кто оставил платформу под двухсотлетними соснами? Капитан Тарасов... Про капитана Тарасова он не слышал вообще ничего.

Василий поднял осколок к свету окна. Серый питерский день преломился в микроскопических порах материала, создав иллюзию мерцания глубоко внутри. Его пальцы сжали древний артефакт. Это была не просто память о странной находке в сибирской тайге, это была «улика». Улика против официальной версии об истории Сибири, против командования батальона, приказавшего засыпать плиту песком и гравием, похоронить её под новой бетонной взлёткой для перехватчиков МиГ-31. Он представил себе слой за слоем: первый гравий, потом песок, потом бетонная плита взлётной полосы, а под этим всем – чёрная плита для «виман», гладкая и холодная, с выгравированными символами солнца и молитвами Гибадуллина на устах. Его детективное чутьё подсказывало одно: какой-то план скрывали они под этим слоями бетона и тишины. Не случайно Тарасов нервно смотрел в небо, а не на плиту под ногами солдат.

Но, что было то было, а осколок – то, что есть... Он оказался в его кармане, когда капитан Тарасов приказал засыпать плиту гравием и песком из КАМАЗа, Василий взял его из рук Гибадуллина. Он сохранил его как амулет или доказательство будущему адвокату внутри себя. Сейчас он лежит у него на столе в общежитии ЛГУ. Он провёл пальцем по микроскопическому символу на краю осколка и вспомнил Гибадуллина с его испуганными глазами и шепчущего слово «Виманы». Всего лишь один символ, неизвестно что означающий... Он вспомнил Тарасова с его багровым лицом, который приказал всё засыпать и никогда не упоминать об этом. Он выключил лампу и медленно подошёл к окну своего общежития на Менделеевской линии. За окном начали зажигаться фонари, освещая мокрую питерскую мостовую под осенним дождём. Капли дождя стекали по стеклу, словно перекликаясь с гравированным символом на осколке в его руке. Научный журнал «Материаловедение экстремальных сред» и криминалистический микроскоп не продвинули его ни на йоту, только глаза устали от сравнительных анализов структуры материала с земными аналогами. Он держал осколок на ладони, чувствуя его древнюю структуру сквозь кожу. «Виманы...» – он шепнул про себя и вытер руки, которые стали скользкими от усталости и пота.

На столе рядом лежал свежий номер «Советской молодёжи» с заголовком о Молебской аномальной зоне. Он медленно перевернул страницу газеты пальцем, оставив жирный отпечаток, и почувствовал запах типографской краски, смешанный с пылью общежития. Василий ещё раз перечитал абзац про «фрагменты чёрного стеклоподобного материала с микрочаеистой структурой...» Дальше в статье говорилось о необычных явлениях в небе над Уралом: светящиеся шары, зависающие на месте, странные геометрические фигуры, которые появлялись и исчезали без следа. Журналист приводил свидетельства местных жителей и ссылался на полу засекреченные отчёты метеорологических станций. Василий щёлкнул пальцем по газете, отмечая абзац, где упоминались «неопознанные объекты» и «аномальные энергетические всплески». Его детективное чутьё почувствовало знакомый холод в спине – как тогда в траншее, когда они пытались разбить плиту кувалдой и ломом. Он посмотрел на осколок на ладони и провёл пальцем по микроскопическому символу, который он сфотографировал «Зенитом». Этот символ похож на комбинацию стрелы и треугольника, больше всего напоминает глиф из древних индийских манускриптов, которые он видел в библиотеке, но никогда не мог расшифровать.

Он снова, в который уже раз, перечитал абзац про «материал с микрочаеистой структурой...» В статье ещё упоминалась находка «необычных металлических фрагментов» в районе аномальной зоны. Фрагменты описаны как «тёмные» и «не поддающиеся анализу». Его сердце забило быстрее, и он почувствовал, как ладони стали влажными от возбуждения.

Он достал из сумки блокнот в клетку, где когда-то конспектировал лекции по криминалистике, и положил рядом с газетой. Тонкая ручка скользнула по бумаге, оставляя синие следы мыслей: «Молебка = похожие явления? Фрагменты = осколок?» Рядом он нарисовал символ с осколком и обвёл его три раза, пока бумага не начала рваться под нажимом. Он опять вспомнил, как Тарасов стоял над плитой и смотрел не вниз, а вверх в сибирское небо, окрашенное лучами заката. Его лицо было не просто испуганным – оно выражало узнавание, как будто он видел что-то знакомое и ужасное одновременно. Василий откинулся на стуле, который скрипнул под его весом и задумался о странной детали, которую никогда не анализировал: зачем военным понадобилось строить взлётку для перехватчиков именно в этой глухой точке тайги? Он знал карту Красноярского края как свою ладонь – вокруг на сотни километров не было стратегических объектов только бесконечная тайга да река Тунгуска. Его пальцы потянулись к учебнику по военному праву на полке, но остановились в воздухе. Что, если плита была не находкой, а целью? Что, если они знали, что она там лежит, и хотели просто в этом удостовериться? Он почувствовал холодный металлический привкус страха на языке.

Василий закрыл глаза и увидел траншею глубиной четыре метра, как раскрытую рану в земле. Бульдозерная лопата сдирала слои глины, обнажая тёмную плоскость, которая росла с каждым проходом, превращаясь в стену из другого мира. Тарасов стоял рядом, его глаза были остекленевшими от ужаса, когда открылась полная картина находки – не просто плита, а целая цепочка плит, идеально подогнанных друг к другу. Он вспомнил, как потом капитан прибежал, с пунцовым лицом, как закричал «Засыпать! Срочно!» ещё до того, как приехала комиссия... Почему так панически спешили скрыть находку? Если бы это была просто археологическая диковинка, её бы изучали, а не закапывали под бетон взлётки для МиГов. Василий открыл глаза и посмотрел на газетную заметку о Молебке, где описывались «энергетические всплески». Его пальцы сжали осколок, так что острый край впился в ладонь, оставляя красную полоску на коже. Что, если плита была маяком? Или приёмником? И они не нашли её случайно – они пришли, чтобы её запечатать?

Он снова закрыл глаза, чтобы вспомнить другую деталь, которую не замечал раньше: Тарасов не просто смотрел в небо – он смотрел строго на северо-восток, в сторону, где по карте находился Воркутинский радиолокационный комплекс. Может быть, там ждали сигнала? Василий резко встал и схватил карту СССР из учебника по административному праву. Его пальцы дрожали, пока он отмечал точки: их стройбат в тайге, Воркута, Молебка... Получался треугольник с расстояниями в восемьсот километров между узлами. Он бросил карту и схватился за голову. Всё это было как криминалистическая задача – улики разбросаны по огромной территории, но связь между ними ускользала.

Василий потянулся за блокнотом и начал торопливо записывать, строя таблицу: даты, координаты, совпадения. В колонке «Молебка» появились записи о светящихся шарах с 1983 года. В колонке «Тайга» он написал: «Июнь 1987: обнаружение плиты». А под графой «Воркута» добавил: «1985 – установка нового радиолокатора «Днепр-М»». Он провёл линии между точками – всё совпадало по времени в последние годы. Но главный вопрос оставался: зачем военным понадобилось строить аэродром над плитой вместо того, чтобы изучать её? Он перевернул страницу и начал рисовать схему плиты с гравировкой, восстанавливая по памяти символы. Один из них напоминал антенну, другой – волны. Вдруг его рука замерла – если перевернуть один из символов, он становился похож на схему расположения тех самых трёх точек на карте. Василий почувствовал, как по спине бегут мурашки. Постепенно комната погрузилась в сумерки. Свет из окна уже не помогал различать символы на осколке, а зелёный абажур лампы отбрасывал призрачное свечение на разложенные перед ним материалы.

Он устало прислонился к стене, закрыв глаза: «Нет, так больше нельзя, можно сойти с ума... Одни догадки, отрывочные сведения, мало фактов...». Словно пытаясь стереть навязчивое изображение треугольников на карте, он провёл ладонью по лицу, ощущая щетину,

небритую вторые сутки. Где-то хлопнула дверь общежития, и чьи-то шаги по коридору заставили его инстинктивно прикрыть карту газетой. В ушах звенела тишина, прерываемая лишь тиканьем будильника и далёким гулом трамвая на Менделеевской. Дрожащие пальцы нервно перебирали края блокнота, переворачивая страницу за страницей. Записи, сделанные за эти два года, теперь казались хаотичными, не связанными между собой: «Воркута... Тайга... и, теперь, Молебка...». Он остановился на последней странице, где среди чертежей символов плиты мелькнула случайная запись: «Спросить Семёныча про архивные отчёты геологов 50-х» ... Уже не спросить...

Шум дождя за окном превратился в монотонный стук, словно кто-то методично постукивал по стеклу. Василий медленно завернул осколок в кусок плотной ткани, когда услышал резкий стук в дверь. Три удара – чётких, требовательных, будто отбивающих такт. Его пальцы произвольно сжали ткань с артефактом. Стук повторился громче, настойчивее. Василий инстинктивно оглянулся на стол, где лежали карта и заметки, затем глубоко вдохнул и отодвинул стул. Скрип половиц под ногами казался оглушительным в тишине комнаты. Василий глубоко вздохнул и отодвинул стул ещё дальше, поставив его у стены, где он обычно и стоял. Шаги его по скрипучему полу комнаты казались оглушительными, словно крики в тишине тайги после остановки экскаватора. Он подошёл к двери с шаткой ручкой и медленно повернул ключ в замке, который скрипнул как старый болт. За дверью стоял комендант общежития Николай Андреевич со своим привычно хмурым лицом и засаленной кепкой набекрень. За его спиной в полумраке коридора маячила фигура невысокого мужичка. Комендант, Николай Семёнович, молча кивнул на фигуру за спиной и сказал глубоким сипловатым голосом тяжёлым, как глина в траншее:

– Василий, это комендант... Тут с тобой хотят поговорить... – мужичок шагнул вперёд.

Он был невысокого роста крепкого телосложения, в мешковатом сером пальто, которое висело на нём как на вешалке. Под пальто виднелась серая водолазка с высоким плотным воротником, который, казалось почти душит его горло своим уютным тесным давлением. Лицо его было самым обыкновенным: круглое, гладковыбритое, словно стандартное лицо агента службы безопасности из учебника оперативной работы, без единой запоминающейся черты, исключая разве что волевой подбородок, который слегка выдавался вперёд как бульдозерный отвал, готовый проложить себе дорогу сквозь любые препятствия. Его взгляд был цепким, и одновременно расфокусированным, как будто он одновременно видел комнату Василия и ещё что-то за окном возможно мокрые крыши Питера, а возможно...

– Сидоров, – произнёс человек в мешковатом пальто и, дружелюбно улыбнувшись, протянул руку. Улыбка была механической, тренированной до автоматизма где-то в коридорах власти или спецслужб. Ладонь оказалась сухой и крепкой, как обожжённая глина из сибирской траншеи. Василий машинально пожал руку, почувствовав холод металлических колец часов под манжетой водолазки Сидорова, словно скрытый артефакт под слоем обыденности. Николай Семёнович крикнул и исчез в темноте коридора, словно слившись с тенью от батареи отопления, которую Василий всегда забывал закрыть заслонкой.

– Савельев, – машинально ответил он, почуввав запах влажной шерсти пальто, смешанный с отдалённым ароматом табака, который висел в комнате общежития словно призрак прошлого. Сердце Василия застучало под рёбрами. Слово гусеница бульдозера по гравию. Его стопы почувствовали мнимый склон траншеи, мягкий и скользкий под сапогами той давней сибирской жары рядом с прохладной, тёмной плитой. Сидоров уже шагнул в комнату, минуя коменданта, который исчез как тень за захлопнувшейся дверью. Его темно-карие глаза скользнули по столу, словно искали что-то конкретное: лампа «Лермонт» криминалистический микроскоп, журнал «Материаловедение», приоткрытая сумка на стуле, журнал «Советская молодёжь», из-под края которого виднелся уголок серого платка с синей каёмкой, скрывающего

осколок плиты, будто свидетельство преступления, которое надо спрятать от следователя за секунду до обыска.

Сидоров ещё раз улыбнулся широко и неестественно, будто тренировался перед зеркалом в каком-то учебном центре КГБ для работы с интеллигенцией, где учат, как усыплять бдительность будущих адвокатов и учёных перед ударом ножа в спину их надеждам и мечтам. Улыбка его была как щит, за которым скрывалась стальная холодность, которая уже чувствовалась Василием сквозь воздух комнаты, наполненный запахами старых книг и его собственного пота на ладонях от волнения, перед неожиданным визитом незнакомца в сером пальто – слишком простом, чтобы быть настоящим, слишком мешковатом, чтобы казаться обычным.

– Василий Андреевич? – Спросил Сидоров мягким голосом, будто проверяя реакцию на имя-отчество. Глаза его скользнули по столу, задержавшись на газете с заметкой о Молебке. Василий вдруг подумал, что осколок плиты под журналом, завёрнутый в платок, лежит слишком на виду, будто кричит о своём существовании от близости этого человека. Василий кивнул, машинально показывая рукой на единственный свободный стул в углу комнаты, где висел потрёпанный плакат с цитатой Ленина о праве и государстве словно ирония судьбы над всей ситуацией, которая разворачивалась сейчас в его комнате общежития юрфака ЛГУ.

Сидоров посмотрел на стул, стоящий у стены, его глаза словно сканер бесшумно двигались по поверхностям, по стопкам книг, по столу, где лежал журнал «Материаловедение», открытый на странице с микроснимками сплавов для гиперзвуковых аппаратов США, которые, имели странное структурное сходство с тем, что Василий минуту назад разглядывал под окуляром микроскопа на краю маленького осколка. Осколка, который лежал сейчас под журналом и книгой по уголовному праву на столе, словно труп под тонким слоем песка, который надо было скрывать любой ценой перед глазами этого человека в сером, пальто которого пахло не Питером, а скорее холодом кабинетов Лубянки или коридоров зданий без вывесок, где решались судьбы людей, узнавших слишком много о слишком странных вещах, найденных в траншеях стройбата Красноярского края в 1987 году.

– Вижу, вы немного озадачены моим визитом, – сказал Сидоров, мягко усаживаясь на стул. Его пальцы сложились перед собой, будто он готовился читать лекцию, а не вести допрос, хотя допросом это пока ещё не было, но напряжение в комнате было таким плотным, что Василий почувствовал его на коже, как влажность перед грозой в тайге, когда тучи сгущаются над просекой, где теперь зарыта плита, по приказу Тарасова. Сидоров, или человек, представившийся Сидоровым, сидел, слегка улыбаясь, и смотрел на него глазами, которые видели все и ничего одновременно.

– Озадачен? – прокряхтел Василий, пытаясь скрыть дрожь в голосе, которая поднималась из живота, где холод осколка будто ожил снова жгучим пятном воспоминания о том, как Гибадуллин шептал про Виманы, глядя на стену транше, – скорее удивлён неожиданному визиту в восемь вечера перед подготовкой к защите диплома, – добавил он, делая шаг к столу и подавляя желание скрыть угол платка с синей каёмкой, где лежал осколок плиты, словно улика, которую вот-вот изымут из-под тонкого слоя бумажной маскировки.

Сидоров помолчал пару секунд, словно забыв, зачем пришёл.

– Ах да... – сказал Сидоров, внезапно оживляясь, словно его заводная пружина внутри, наконец, провернулась до нужного паза. Он полез в карман пальто, из которого сначала появилась пачка «Казбека», а затем гибкая темно-синяя корочка с выпуклой золотой печатью и кислотной зелёной каёмкой по краю – знак особого статуса в иерархии грозных ведомств, где слово имеет вес пули. Василий машинально принял удостоверение, почувствовав на пальцах холодный винил и запах типографской краски, смешанный с табаком. Его глаза скользнули по тексту в полумраке комнаты: «Иван Иванович Сидоров, Комитет Государственной Безопасности СССР» и ниже уже неразборчивым штампом что-то про «5 й отдел», что заставило сердце Василия сжаться, как пружина от старого будильника, готовую сорваться в тревожной вибра-

ции внутри грудной клетки, где бульдозерный шум давности вдруг оглушил его звоном гусениц по щебню.

Но Сидоров уже выхватил корочку обратно движением фокусника и говорил мягко, как будто они старые приятели, случайно встретившиеся в библиотеке, а не в комнате общежития, где на столе лежал запретный артефакт из тайги:

– Я из отдела прикладной науки... – он сделал паузу, изучая эффект своих слов, как бильярдист, просчитывающий траекторию удара шаров по сукну. Василий заметил, как его глаза скользнули к окну, где пузырьки дождя плыли по холодному стеклу окна, словно повторяя микроскопические поры материала.

«Интересно, какому отделу науки нужны агенты КГБ с такими удостоверениями?» – Подумал Василий.

– Прикладной науки? – переспросил он еле слышно, чувствуя, как горло пересохло, будто он лизал пыль с гравийного слоя над плитой, которую засыпали по приказу Тарасова, чей призрак стоял сейчас за спиной Сидорова, словно тень в углу комнаты, полной книг по праву, которые стали вдруг бесполезными, как ломы о гладкую поверхность древнего артефакта под бетоном взлётки подскока, где теперь, возможно, сидели перехватчики МиГ-31, охранявшие нёбо над Сибирью от невидимой угрозы.

Темно-карие глаза Сидорова сузились, словно диафрагма фотоаппарата «Зенит» перед щелчком затвора, записывающего улику, которую сейчас будут изымать из-под тонкого слоя легальной ширмы студента юрфака, изучающего материалы экстремальных сред. Возможно, слишком экстремальных для советской науки конца восьмидесятых, где перестройка ещё не добралась до пятого отдела комитета госбезопасности, который специализировался на делах, не имевших аналогов в Уголовном кодексе РСФСР. Особенно если за преступлением скрывалось нечто большее, чем человек или группа людей, замешанных в государственной измене или шпионаже в пользу вероятного противника. Противника, который, возможно, был не с запада, а с других звёзд или времён, что казалось Василию ещё более безумным, чем диплом по криминалистике, который он писал вместо сна последние два месяца, пока изучал микро-срезы осколка под лупой, пытаясь найти рациональное объяснение угловатому символу, похожему на микрогравировку, но не на земной язык, известный лингвистам, а что-то куда более древнее и чужое.

– Специальный отдел прикладной науки... – повторил Сидоров мягко выделяя каждое слово, будто кладя монеты на стол перед крупной ставкой в покере, где ставкой была судьба Василия и его осколка плиты из сибирской траншеи, которую засыпали по приказу капитана Тарасова, чей приказ, возможно, исходил из каких-то высоких кабинетов, таких же, как тот, из которого пришёл Сидоров, который теперь сидел в его комнате общежития и смотрел на него глазами, видевшими плиту в тайге через отчёты Тарасова. Или, может быть, видел через другие отчёты о других подобных находках, которые случались в СССР за последние пятьдесят лет стройки коммунизма на костях политзаключённых и солдат стройбатов, где находили артефакты, не вписывавшиеся в марксистско-ленинскую картину мира и, поэтому зарытые бетоном новых объектов, как та взлётка подскока для перехватчиков в глубине Красноярской тайги, место, где теперь, возможно, сидели самолёты на древнюю платформу для виман, если верить Гибадуллину, который, для своего места и времени, оказался почти пророком...

Василий почувствовал, как холодная дрожь пробежала по спине. Пальцы его непроизвольно сжались, касаясь края стола, где лежал журнал, прикрывающий осколок. «Отдел прикладной науки» звучало как оксюморон из языка партийных бюрократов – что-то между «военной археологией» и «секретной теологией». Зачем он, Василий понадобился Сидорову? Словно услышав этот немой вопрос Василия Сидоров перешёл к делу.

– Хотел вас спросить... – Сидоров сделал паузу, и Василию вдруг показалось, что осколок плиты под книгой по уголовному праву на столе как будто пульсирует сквозь ткань платка,

излучая тонкую вибрацию, которую он раньше не замечал. Его пальцы непроизвольно сжались, ногти впились в ладонь, оставляя полумесяцы боли, напоминающей удар стального лома о поверхность плиты под землёй в тот день, когда стержень отскочил, не оставив царапины. Сидоров тем временем продолжал, его голос оставался мягким, но в нём теперь проступали стальные нити неизбежности: – Точнее, кое-что показать и спросить... – Василий замер, переводя дыхание. Его взгляд упал на руки Сидорова, которые медленно двигались к внутреннему карману мешковатого серого пальто, пахнущего не питерской сыростью, а холодом архивов и пыльных коридоров зданий без номеров, где хранились секреты страшнее атомной бомбы.

Неспешно, почти ритуально, Сидоров вытащил небольшой плоский пенал, обшитый синей матовой тканью, похожей на бархат, но более жёсткой. Он положил его на журнал «Материаловедение», прикрыв микрофотографии американских гиперзвуковых сплавов. Пальцы Сидорова расстегнули крючок с тихим щелчком и раскрыли пенал с торжественностью жреца, открывающего реликвию перед посвящёнными. На тёмно-синей подкладке из грубого сукна лежал предмет. У Василия перехватило дыхание. Это был тёмно-серый осколок с характерной тёмно-серой поверхностью, переливающейся слабым матовым отсветом под светом лампы «Лермонт» – почти точная копия того, что он два с половиной года прятал в матерчатом мешочке в шкафу и, который, сейчас лежал, завернутый в платок под журналом и книгой на столе, но в пять раз больше размером, размером с пол-ладони и явно с одним гладким краем и другим – неровным сколом, как будто отбитым с огромным усилием. Структура пор казалась идентичной под косым светом, только масштабнее.

– Скажите, Василий Андреевич... – голос Сидорова был мягким, почти исповедальным, но глаза цеплялись за каждый мускул на лице студента, фиксируя малейший оттенок шока, – вам никогда не доводилось видеть нечто подобного? В вашей... практике? Или в чтении? – Он слегка подвинул пенал ближе к краю стола, где рука Василия непроизвольно дрогнула в воздухе, чуть не коснувшись артефакта. Он вспомнил траншею, запах корней свежесрубленных сосен и тот влажный холод, исходящий от гладкой плиты под землёй, разглядывая артефакт, который показывал ему Сидоров. Этот кусок отдавал пыльно-металлической стариной и чем-то... тихим и глубоким, как пространство между звёздами.

Василий с усилием проглотил комок в горле. Его взгляд метнулся к тому месту с книгой по криминалистике, где под слоем бумаги лежал его осколок. Сердце колотилось неистово, глухо отдаваясь в висках звуком гусениц по гравию поверх древней плиты.

– Я... я студент-юрист, – прохрипел он, чувствуя приливы то жара, то озноба, – мне материалы такого рода вряд ли знакомы... – он остановился, заметив ледяную усмешку в уголках губ Сидорова. Ладонь офицера КГБ медленно легла поверх пенала, закрывая артефакт полностью – знакомая до боли манера Тарасова приказывать молчанием. Сидоров посмотрел на него внимательно и усмехнулся.

– Ладно, давай начистоту... – Он снова полез в карман своего необъятного пальто и достал листок бумаги, свёрнутой вчетверо. Бумага была тонкой, желтоватой от времени, с характерным фиолетовым штемпелем «вх. №» в углу.

– Читайте, это копия рапорта капитана Тарасова от 5 июня 1987 года... – Василий принял листок дрожащими пальцами, ощутив шершавость копировальной бумаги и слабый запах архивной пыли. Его взгляд упал на знакомый угловатый почерк командира батальона, выведенный фиолетовыми чернилами шариковой ручки с нажимом человека, пишущего под давлением:

«Докладываю об аномалии при производстве земляных работ на объекте «Высота-7». На глубине 3,8 метров бульдозерист Савельев В. А. обнаружил монолитную плиту неизвестного происхождения. Поверхность не поддаётся механическому воздействию (отбойные молотки, зубила). Предполагаю искусственное происхождение. Бульдозер ДЭТ-250 при попытке разра-

ботки получил повреждение ковша. Требую срочной консультации специалистов ЦНИИ КС или...»

Последнее слово было вымарано фиолетовыми чернилами так густо, что бумага протёрлась до дыр, но сквозь слой краски угадывались угловатые буквы «5 ОТД». Василий почувствовал, как пот выступил на спине холодными каплями, словно таёжный дождь сквозь «хэбушку». Его глаза на миг задержались на дате доклада: «5 июня 1987 г.» – тот же день, когда Тарасов приказал засыпать плиту. Значит, командир пытался сообщить о находке, прежде чем получил распоряжение молчать навсегда.

– А бульдозерист Савельев В. А. это кто-о-о? – Сидоров протянул фразу с лукавой ноткой, словно струну расстроенной балалайки, но тёмные глаза горели аналитическим холодом сканера. Его палец коснулся строки с фамилией Василия, оставив едва заметный отпечаток на фиолетовом тексте.

Василий почувствовал прилив крови к лицу – жаркий, яростный, будто от выхлопа бульдозера в замкнутой траншее. Его взгляд метнулся к столу с книгой по криминалистике, где платок с осколком давил на совесть тяжестью в сорок граммов.

– Я был просто водитель машины, – выдавил он сквозь стиснутые зубы, – выполнил приказ засыпать аномалию. Что тут особенного?

Сидоров вздохнул. Звук вышел неожиданно усталым и человеческим – будто сбросил чужую маску. Лицо его смягчилось, складки у рта обвисли.

– Я пришёл за советом, и за помощью... – прошептал он вдруг, и взгляд его стал мягким, почти беспомощным, – а вы сразу в несознанку... – он потянулся к пачке «Казбека», дрожащими пальцами достал папиросу, но так и не закурил, лишь вертел фильтр в руках, словно чётки. Василий замер, поражённый изменением в облике собеседника. Перед ним больше не было фанерного агента – сидел измотанный мужик в мешковатом пальто, с синюшными мешками под глазами.

– Этот обломок изъяли наши коллеги на таможне у группы энтузиастов, которые приехали из Перу... – голос Сидорова вдруг сорвался в скрип, будто ржавая петля, – слышали что-нибудь про Мачу-Пикчу? Василий кивнул, машинально рисуя в воображении картинку из свежего номера журнала «Вокруг света»: инкские руины в облаках Анд, где ещё вчера студенты физфака мечтали о практике, а сегодня там копают нечто совсем иное.

– Что вы об этом думаете? – спросил Сидоров, показывая взглядом на открытый пенал, где лежал перуанский осколок, переливчатый, как нефрит под лампой. Его пальцы нервно барабанили по столу, уже не скрывая нетерпения, словно бульдозерист, что гнал двигатель ДЭТ-250 вхолостую, ожидая команды капитана Тарасова, который тогда колебался, прежде чем гаркнуть «Засыпать!». Василий почувствовал, как его пробил озноб предчувствия прикосновения к великой тайне, даже более масштабной, чем все его смелые фантазии.

– Можно? – спросил Василий, показывая на перуанский осколок, повинувшись внезапной жажде прикоснуться к доказательству того, что он не сошёл с ума в тайге два года назад, – подержать?

– Да, конечно, – оживился Сидоров, словно ждал этого вопроса десятилетиями, – смотрите... – Его пальцы, густо покрытые табачными пятнами, аккуратно пододвинули пенал к краю стола, где журнал «Материаловедение» лежал открытым на странице с микрофотографией титанового сплава. Василий медленно протянул руку, словно ощущая шероховатость артефакта ещё до прикосновения. Затем, кончики его пальцев коснулись глазурированной поверхности.

– Это обломок... – сказал Сидоров, – и мы не знаем точно, это осколок *чего*... – он снова сделал паузу, – но, похоже, вы один из немногих, кто видел *это* целое и... наверное, единственный, кто может про это целое вразумительно рассказать... пока, во всяком случае... – Сидоров замолчал и посмотрел на Василия внимательным изучающим взглядом. Василий

увидел в этом взгляде что-то неуловимое – почти страх и... восхищение одновременно – то самое сочетание чувств, что испытывал сам Василий возле той плиты в сибирской траншее два с половиной года назад.

– Вы ведь помните? – спросил Сидоров почти шёпотом. Василий кивнул и с трудом сглотнул слюну:

– Как будто вчера...

Василий посмотрел на артефакт из Перу, лежащий перед ним на столе, и вдруг ясно понял, что он и его осколок из Питера под книгой на стуле, и этот кусок из Перу, и Плита в тайге – всё это части одного Целого, и это Целое огромно как гора и древнее, как сама Земля и оно не просто было закопано, оно было спрятано умышленно и тщательно замаскировано природой. И вот теперь его по частям находят в разных уголках мира, и каждый, кто находит часть этого Целого, оказывается втянут в эту игру с очень серьёзными ставками, где его жизнь лишь малая часть на кону. Сидоров заметил изменение в выражении лица Василия и его взгляд стал ещё более изучающим, как будто он читал Василия как открытый рапорт.

Сидоров проследил направление взгляда Василия к столу с книгой и его взгляд мелькну поволокой понимания, будто он уже знал, что где-то в этой комнате находится ещё один такой осколок, принадлежащий студенту юрфака, который держит его дома как необычный сувенир – память о двух годах службы в стройбате в Сибири на строительстве секретного объекта. Он медленно поднялся со стула, его пальцы нервно перебирали фалды пальто. Подошёл к окну, за которым мерцали огни питерских дворов, и медленно повернулся к Василию: – его лицо было теперь серьёзным, без тени искусственной улыбки или наигранной мягкости в голосе – только холодная чёткость кадрового офицера, который принимает решение и несёт за него ответственность перед кем то, кто сильнее и выше его по рангу в той таинственной структуре, к которой он принадлежит.

– Я жду вашего рассказа, Василий Андреевич, скажите мне правду сейчас или мы оба можем сильно пожалеть об этом позже, потому что время на исходе и другие уже знают про ваш камень и интересуются вами, – Сидоров замолчал и ждал.

Василий посмотрел на свои руки, которые всё ещё чувствовали фактуру перуанского обломка, лежавшего на столе среди книг по праву и материаловедению. Его пальцы дрожали, как тогда в траншее, когда он впервые прикоснулся к осколку, который передал ему из рук в руки Тимур Гибадуллин. Основная часть «этого» теперь лежала под бетоном взлётной полосы в сибирской тайге, где садились перехватчики, охранявшие небо над СССР от угрозы, которая, возможно, уже была здесь на Земле миллионы лет, но люди узнали о ней только сейчас, через такие находки, как эта плита и эти осколки, разбросанные по разным континентам, как части пазла гигантской мозаики, смысл которой был скрыт от человечества веками.

Василий медленно сдвинул в сторону тяжёлый томик по уголовному праву и поднял журнал, чувствуя, как хлопчатобумажный платок с синей каймой прилипает к пальцам, будто излучая тонкий статический заряд. Его ладонь дрогнула, когда он развернул ткань перед Сидоровым, чьи тёмные глаза сузились, словно лезвия ножей, готовых вскрыть истину. На шершавой поверхности платка лежал сероватый осколок размером с большую пуговицу с характерной матовой поверхностью и микроскопическими порами, которые можно было рассмотреть только под лупой.

– Этот... – прошептал Василий, ощущая, как ком в горле превращается в килограммовый булыжник, – мы откололи от плиты там в траншее, ломом, а потом, я его забрал у Гибадуллина и унёс с собой... после дембеля... – Его пальцы дрожали над знакомой поверхностью, как жезлы лозоходца над подземной рекой, шероховатость артефакта ощущалась сквозь тонкую ткань платка.

Сидоров не двинулся с места, лишь дыхание его стало чуть слышнее, словно работал старый вентилятор где-то в архивах Лубянки или Литейного. Василий протянул руку к столу. Его

пальцы коснулись сначала перуанского обломка – гладкого, размером с ладонь ребёнка. Затем он взял свой осколок с платка – крошечный, шероховатый на сломанном краю. Оба артефакта положил рядом на раскрытую страницу журнала «Материаловедение», где микрофотография сплава НАСА казалась вдруг жалкой подделкой рядом с древними камнями. На столе лежали оба осколка. Один – размером с ладонь ребёнка, другой – с пуговицу от солдатского кителя. Перуанский – гладкий на ощупь, как отполированный нефрит для инкских ритуалов. Сибирский – шершавый по краю скола, но с одинаковой зернистой структурой под лучом лампы «Лермонт». Василий затаил дыхание, когда разглядывал, ища совпадения между ними, чувствуя, словно невидимая паутина соединила реликвии через океан и годы.

– Василий – Сидоров внезапно перешёл на «ты», словно стряхнув последние капли формальности, – ты можешь представить, сколько такого непонятого закопано в разных местах по Союзу? – Его пальцы коснулись перуанского артефакта почти с нежностью священника, обслуживающего реликвию, – не на глубине четыре метра, а где-то гораздо глубже... – Сидоров замолк на миг, и Василий ощутил холодок понимания слов представителя отдела «прикладной науки». Глаза офицера метнулись к окну, где за стеклом скулил питерский дождь, напоминая о бескрайних сибирских болотах.

– Сколько их? – прошептал Василий, внезапно почувствовав тяжесть земли над тайными плитами, как давящий покров могильного холма. Сидоров лишь покачал головой без слов, но взгляд его говорил ясно: не десятки – сотни. Возможно, больше.

Наступила долгая пауза. Сидоров внимательно смотрел на Василия, изучая его лицо, как топографическую карту неизведанной территории. Василий ощущал этот взгляд физически – будто холодное лезвие скользит по коже, снимая слой за слоем защитные наслоения студенческой жизни. Капли пота выступили на висках, смешиваясь с пылью книжных переплётов и запахом старого дерева общежития. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь отдалённым гулом города и собственным громким стуком сердца Василия в ушах – глухим, как удары трамбовки по гравию над сибирской плитой. Затем Сидоров негромко произнёс, медленно артикулируя каждое слово, как будто вбивая гвозди в стену молчания:

– Предлагаю место в моём отделе прикладной науки... – Василий почувствовал, как земля уходит из-под ног, словно он вновь стоит на краю той злополучной траншеи в тайге, только теперь пропасть стала глубже и темнее, – не будешь сидеть за бумажками в юстиции, – продолжил Сидоров, его голос терял прежнюю жёсткость, обретая странную убедительность человека, говорящего истину, о которой нельзя кричать, – будем искать артефакты... Исследовать их... Пытаться понять «что», «кто» и... главное – зачем... – Его взгляд скользнул к двум осколкам, лежащим рядом на журнале «Материаловедение». Крошечный сибирский кусочек и солидный перуанский обломок казались разрозненными частями одного огромного мозаичного полотна, растянувшегося по планете. Он замолчал, раскурив, наконец свою папиросу, и внимательно наблюдая за Василием.

Василий машинально провёл ладонью по лицу, пытаясь стереть налипшую усталость и замешательство. Запах типографской краски от журнала смешивался с едва уловимым ароматом табака от пальто Сидорова и затхлостью общежития. В ушах звенела тишина после предложения, которое звучало одновременно как приговор и как билет в другой мир.

– А... приказ Тарасова? – выдавил он, мысленно видя окаменевшее лицо капитана, его приказ засыпать плиту, его исчезающий взгляд после передачи рапорта вышестоящему начальству в штате округа. Ответом Сидорова была лёгкая усмешка, похожая на трещину на глазурованной поверхности плиты.

– Тарасов? Он был хороший солдат. Ему приказали любой ценой построить взлётку в указанный срок, он приказ выполнил... только и всего... Сидоров наклонился вперёд, его локти упёрлись в стол с лёгким скрипом древесины. Глаза, острые, как отколотый кремль, поймали растерянный взгляд Василия.

– Понимаешь ли, Василий... – он многозначительно помолчал, перекатывая сибирский осколок между пальцами, – есть много камней, которые были когда-то чем-то целым. Какие-то камни – это мегалиты, которые кто-то двигал и что-то из них строил... – Его голос стал ниже, почти шёпотом: – ...есть камни, которые кто-то... сломал... другие артефакты засыпаны землёй... – Сидоров бросил взгляд на перуанский обломок, затем вновь уставился на Василия: – ...но вот в чём вопрос: кто и когда всё это строил и кто и когда это всё разрушал... это работа для следователя, понимаешь, к чему я клоню? – Василий почувствовал, как его лоб покрылся холодной испариной. Он вдруг представил себе Тарасова не как тупого исполнителя приказов, а как человека, который тоже что-то знал – и испугался.

– Тарасов выполнил приказ, – продолжил Сидоров, его палец коснулся сибирского осколка, – а кто найдёт ответы на эти вопросы? Кто соединит куски? – В комнате стало так тихо, что Василий услышал, как за окном капли дождя ударяют по жестяной водосточной трубе – ритмично, как телеграфный аппарат, передающий закодированное сообщение. Сидоров вновь замолчал.

Василий ощутил знакомый холодок в желудке, как тогда в траншее, когда бульдозерный нож скользнул по плите. Его пальцы инстинктивно зажали край учебника по криминалистике, чувствуя, как твёрдая обложка царапает кожу. Он вдруг увидел себя не в затхлой комнате общежития на Васильевском острове, а опять в трехметровой яме Красноярской тайги – запах хвои смешивался с выхлопами ДЭТ-250, гравий хрустел под сапогами, а таинственная плита лежала под его ногами как закрытая книга.

– Вы хотите, чтобы я сменил криминалистику на охоту за призраками? – голос Василия сорвался на хрип, словно бульдозерный двигатель на холодном пуске. Взгляд его метнулся к окну, где на стекле застыли питерские капли дождя, напоминая сетку микропор на поверхности сибирского осколка. Шум Невского проспекта слышался как далёкий вой турбин МиГов, садящихся на ту самую взлётку над плитой. Он вдруг отчётливо вспомнил, как Гибадуллин шептал ему ночью: – «Запомни структуру, Васёк. Видишь эти ячейки? Ни один сплав так не кристаллизуется...». Тогда, в 87-м, они мокли и мёрзли в бытовке, не зная, что через два года этот узор будут изучать офицеры с Лубянки.

Сидоров медленно провёл ладонью по перуанскому обломку на столе, словно поглаживая кость из древнего захоронения. Его пальцы остановились на остром краю скола.

– Призраки? – он резко выдохнул струю табачного воздуха, – ты думаешь, эти мегалиты в Перу, что по сто тонн весом, вырубали и ставили призраки? – Ногтем он ткнул в журнал со статьёй о Мачу-Пикчу, лежащую на столе, – а потом другие призраки брали кувалды и крушили их? Да ладно... – речь Сидорова внезапно сорвалась в усмешку. Он ещё раз хмыкнул, но уже без юмора – словно человек, глядящий в пропасть слишком долго, и продолжил, уже совершенно серьёзным тоном:

– Кто строил эту плиту под Красноярском на глубине четыре метра под землёй? Кто её закопал? Земля сама решила спрятать артефакт под слоем земли? Или её засыпали те же, кто потом столетиями маскировал подобные объекты по всему миру?

Василий наклонился ближе к столу, плечи напряглись под серой материей застиранного свитера. Его пальцы сами потянулись к осколкам, но остановились в сантиметре, будто боясь ожога. В носу снова стоял тот запах – смесь металла, мокрого бетона и чего-то ещё, неземного, что он запомнил в траншее.

– Вы хотите сказать... – он осёкся, – что кто-то... специально? – Как это перекликалось с тем, что он читал в книгах Горбовского...

Сидоров неожиданно встал, убирая Перуанский осколок обратно в карман своего пальто.

– Решение сейчас не нужно, – произнёс он резко, но в глазах оставалась усталость наблюдавшего слишком много закопанных истин, – через три дня жди звонка, – его ладонь скользнула по столу, собирая упавшие папиросные крошки «Казбека». На мгновение пальцы замерли

над журналом, где под перуанским обломком проступал заголовок статьи о криминалистической экспертизе строительных материалов. – Задумайся об одном: почему ты, юрист, не можешь забыть структуру этого... – он ткнул в сибирский осколок ногтем, – ...как ты сам говоришь, камня?

Дверь за ним захлопнулась с глухим стуком. Василий остался один в общежитии, где воздух вдруг загустел, как бетонная смесь перед заливкой. Только тикающий будильник на полке напоминал о времени – времени, которое теперь текло иначе. На столе лежал сибирский осколок на белом платке и открытый учебник криминалистики с кричаще-знакомым квадратом микросхемы на иллюстрации. Он поднял артефакт, ощущая его шершавый край пальцем, как криминалист чувствует след на гильзе. Комнатной температуры. Идеально инертный. Но в голове резало сравнение с фотографией структуры сплава: та же неестественная регулярность, словно кто-то вбил математику в камень миллионы лет назад.

«Кто это строил и кто разрушал...» – шёпотом повторил Василий вопрос, заданный Сидоровым. Его взгляд упёрся в оконное стекло, на котором дождевые капли смазали огни Питера в рыжие пятна. Не призраки. Реальные существа с кувалдами. Или чем-то мощнее кувалд. Он вдруг снова вспомнил день, когда Тарасов приказал засыпать плиту. Бульдозер грохотал так, что земля дрожала, а гравий шипел, скатываясь в траншею. Капитан стоял на краю, его лицо было словно каменное, но глаза метались как у загнанного зверя. «Строили...» – прошептал Василий, видя в окне отражение своего осколка поверх городских огней – «А те, кто разрушал... они же и закапывали?» – Мысль вспыхнула острой, как искра от зубила по плите: древние битвы под землёй, гробницы для машин, которые существовали, возможно, до динозавров. Он резко отдернул руку от платка с артефактом. Комнатная температура камня казалась теперь ложью – отсюда, из Ленинграда он чувствовал холод сибирской траншеи глубиной три с половиной метра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.